Афанасий

ФЕТ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Афанасий
ФЕТ
Стихотворения

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983

84 Р1
Ф 45

Составление, вступительная статья
и примечания
А. Тархова

Фет А. А.

Ф 45 Стихотворения/Сост., вступ. ст., прим. А. Тархова.— М.: Правда, 1983.—304 с.

В настоящее издание вошли поэтические произведения, созданные русским поэтом А. А. Фетом (1820—1892). Лирика Фета представлена в ее конкретных исторических этапах, читатель получит возможность оценить индивидуальность этого художника и своеобразие его творческого пути.

Ф $\frac{4702010000 - 501}{080(02) - 83}$ 501 — 83 84 Р1

ЛИРИК АФАНАСИЙ ФЕТ

В 1842—1843 годах два русских журнала — «Москвитянин» и «Отечественные Записки»— открыли для читающей публики нового поэта; среди его пестрой лирической россыпи выделялись и сразу запоминались несколько поэтических циклов, и прежде всего «Снега» и «Вечера и Ночи». Тут же была и небольшая поэма под названием «Талисман», где автор рекомендовался читателю сельским жителем: «Деревню я люблю... Плохой я горожанин». Новый поэт явно пришел из мира усадебной России: это было видно и в стихотворении «Деревня» («Люблю я приют ваш печальный / И вечер деревни глухой...»), это сказалось и в теме «Вечернего сада» («Не бойся вечернего сада, / На дом оглянись-ка назад...»); это прозвучало и в строфах «На заре ты ее не буди», ставших вскоре благодаря музыке А. Варламова «почти народною песней». А отсюда — уже один шаг до того стихотворения (появилось оно в июле 1843 года в «Отечественных Записках»), которое являло собой как бы «лирический автопортрет» нового поэта:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь,— но только песня зреет.

Если бы к этому времени уже существовала автобиографическая повесть С. Аксакова об усадебном детстве, могло бы показаться, что в этом стихотворении прозвучал голос повзрослевшего аксаковского героя. Но кому же на самом деле этот голос принадлежал? Под стихотворением стояла пологая подпись — и такой фамилии явно было не найти ни в одной из родословных книг российского дворянства: «А. Фет». Фамилия усадебного питомца звучала явным псевдонимом; однако тайна этой фамилии была совсем не литературного, а жизненного — и притом весьма драматичного происхождения. Эта тайна приоткрывалась, если рядом с загадочным «Фетом» поставить другую фамилию — ту, которую этот же человек носил несколько лет назад: Шеншин. Автором стихотворения «Я пришел к тебе с приветом» был Афанасий Шеншин-Фет, выросший в семье мценского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина, в его усадьбе Новоселки.

...В сентябре 1820 года дворня Новоселок встречала своего барина, который отсутствовал почти целый год: ездил лечиться на воды в Германию. Отставной гвардеец, 44-летний Шеншин вернулся не один: он привез с собой жену — 22-летнюю Шарлотту Фёт, которая бросила в Германии, в Дармштадте, своего мужа Иоганна Фёта, дочь Каролину, старика отца Карла Беккера, все принеся в жертву своей страсти. Вскоре после приезда Шеншина с Шарлоттой в Новоселки и появился на свет младенец Афанасий; точная дата его рождения неизвестна (варианты: 29 октября; 23 ноября; 29 ноября). Но это лишь малая часть той «тайны происхождения», которая стала жизненной драмой этого человека. Главное же в том, что А. Шеншин явно не был его отцом, но и И. Фёт не считал его своим сыном (это явствует из переписки Шеншиных и Беккеров, разысканной уже в наше время Г. Блоком).

Ребенок Шарлотты Фёт, родившийся осенью 1820 года в Новоселках, был записан в метрических документах сыном Шеншина; этот подлог каким-то образом всплыл в 1834 году, последовал официальный запрос о рождении Афанасия и о браке его родителей — и тут жизнь мальчика испытала катастрофическое «превращение». Прожив четырнадцать лет в Новоселках и считаясь «несомненным Афанасием Шеншиным», он вдруг был отвезен в далекий лифляндский городишко Верро, помещен в частный пансион немца Крюммера и вскоре поставлен в известность, что ему следует отныне именоваться «гессен-дармштадтским подданным А. Фётом». Эта «честная фамилия» немецкого мещанина (права на которую для Афанасия с большим трудом добились его мать и Афанасий Неофитович у дармштадтских родственников) спасала мальчика от позорного клейма «незаконнорожденного», которое отбросило бы его на самое

дно общества и навсегда закрыло перед ним все пути в жизни; но вместе с тем эта короткая фамилия, такая «мягкая» («Фёт» — по-немецки «жирный»), принесла ее новому владельцу «жесточайшие нравственные пытки», подготовившие в его душе почву для того неискоренимого пессимизма, которым впоследствии так отличались убеждения этого человека.

Оторванный от семьи, потерявший свою фамилию, отлученный от дома (его не брали в Новоселки даже на летние каникулы), одинокий Афанасий рос в чужом городе, чувствуя себя «собакой, потерявшей хозяина». Нетрудно представить, куда уносились мысли и чувства пятнадцатилетнего изгоя: однажды, оказавшись на верховой прогулке у лифляндской границы, он за пограничным мостиком соскочил с лошади и бросился целовать русскую землю. Где-то там, за тысячи верст, были Новоселки — его усадебная колыбель, единственная отрада его души... Но уже готовилась и иная отрада для этой души: в глубине своего существа юный Афанасий чувствовал рождение того света, который вскоре станет его торжеством в борьбе с жизненным мраком: «В тихие минуты полной беззаботности я как будто чувствовал подводное вращение цветочных спиралей, стремящихся вынести цветок на поверхность...»

Это подавал голос никому еще не ведомый творческий дар, это просилась к жизни поэзия. Но прежде чем эти тайные цветы появились, Афанасий должен был пережить новую перемену, столь же неожиданную, как и первая, но несравненно более радостную: по воле Шеншина он сменил Лифляндию на Россию, Верро — на Москву, пансион Крюммера — на пансион профессора Московского университета Погодина.

Осенью 1838 года погодинский пансионер становится студентом университета, и в это же время происходят два события, которые и обозначают в его жизни момент «рождения поэта»: восемнадцатилетний Афанасий начал неудержимо писать стихи и познакомился с Аполлоном Григорьевым, тоже студентом университета и тоже горевшим страстью к стихотворству. Вскоре два друга, «Афоня» и «Аполлоша», стали и совсем неразлучны: Афанасий переехал в дом Григорьевых на Малой Полянке в Замоскворечье и поселился в комнатке на антресолях, через стенку от Аполлона. В этом доме друзья готовили к печати первый, «студенческий», сборник стихов Афанасия (который вышел в 1840 году под инициалами «А. Ф.»); в этом же доме были созданы и многие уже зрелые, самобытные стихотворения, которые вскоре стали появляться в журналах под именем «А. Фет». Эта полная подпись впервые появилась в конце 1842 года под стихотворением «Посейдон» в журнале «Отечественные Записки»; может быть, следует приписать случаю, ошибке на-

борщика то, что буква «ё» превратилась в «е», но сама перемена была знаменательной: фамилия «гессен-дармштадтского подданного» отныне обращалась как бы в литературный псевдоним русского поэта...

И вот в 1843 году в июльском номере журнала «Отечественные Записки» читатели нашли стихотворение, в котором можно было равно видеть и «лирический автопортрет» и «поэтическую декларацию» нового поэта: «Я пришел к тебе с приветом». В четырех его строфах, с четырехкратным повторением глагола «рассказать», Фет как бы во всеуслышание именовал все то, о чем пришел он рассказать в русской поэзии: о радостном блеске солнечного утра и страстном трепете молодой, весенней жизни; о жаждущей счастья влюбленной душе и неудержимой песне, готовой слиться с весельем мира. «Подобного лирического весеннего чувства природы мы не знаем во всей русской поэзии!» — воскликнет под впечатлением этого стихотворения критик Василий Боткин, автор одной из лучших статей о творчестве Фета. О «весеннем чувстве» — этой сердцевине фетовского творчества — будет много раз сказано в русской критике; и при этом для обозначения его появится даже устойчивое определение — «благоуханная свежесть».

Но если величайшей поэтической ценностью стала «благоуханная свежесть» фетовской поэзии, то велика была и цена, которую поэт должен был за это заплатить. Как связать воедино драматическую историю происхождения Афанасия Шеншина и праздничное для русской поэзии появление лирика Афанасия Фета? Может быть, в этом помогут строки, которые юный поэт в 1841 году перевел из Гейне, но высказал в них самого себя:

Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полуночный хор соловьев...

Однако, чтобы со всей очевидностью увидеть эстетически просветляющее, духовно освобождающее начало в фетовской поэзии, чтобы она не представлялась «возвышенным оправданием эпикурейской, благополучной жизни на лоне природы», нужно обратиться к единственному свидетелю духовного становления Фета. Вдумаемся в следующие слова: «Я не видал человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства... Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять... страшное хаотическое брожение стихий его души». Это слова Аполлона Григорьева о ближайшем и задушевном

друге его юности, авторе стихотворения «Я пришел к тебе с приветом»; это рассказ о рождении поэта Афанасия Фета. «Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался <...> Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг <...> Он был художник, в полном смысле этого слова: в высокой степени присутствовала в нем способность творения... Со способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие — ко всему, кроме способности творить,— к божьему миру, как скоро предметы оного переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником.— Так сознал и так принял этот человек свое назначение в жизни». Это свидетельство, многое объясняя в становлении личности Афанасия Шеншина-Фета (с его парадоксальной, изумлявшей многих контрастностью человека и поэта), находит подтверждение в том прозвище, которое имел в студенческие годы Фет: «Рейхенбах». Это была фамилия героя романа Н. Полевого «Абадонна». Наверное, не случайно Фет-студент выбрал себе (или получил от друзей) прозвище «Рейхенбах». Вероятно, на страницах романа Полевого, в речах его героя, поэта-романтика Вильгельма Рейхенбаха он нашел много «своего», нашел отклик собственным убеждениям, вынесенным из горького жизненного опыта. «Никогда не находил я в мире согласия и мира между жизнью и поэзиею!» — восклицает Рейхенбах. С одной стороны — «бездушие жизни, холод существования», непреходящая «горечь действительности»; но этому противостоит «наслаждение мечтаний» — то неистребимое стремление поэта «отказаться от пошлой будничной жизни» и страстно требовать: «Дайте мне первобытного, высокого, безотчетного наслаждения жизнью, дайте мне светлое зеркало искусства, где свободно отражались бы и небо, природа и душа моя!»

Свою «будничную жизнь» Шеншин-Фет на закате жизни описал в двух пространных мемуарных книгах («Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни»). В «Моих воспоминаниях» автор приводит свой разговор с отчимом Афанасием Неофитовичем — человеком, погруженным всецело в «практическую действительность» и лишенным «порывов к идеальному»; резюмируя этот разговор, Фет пишет: «Нельзя более резкой чертой отделить идеал от действительной жизни. Жаль только, что старик никогда не поймет, что питаться поневоле приходится действительностью, но задаваться идеалами — тоже значит жить». Лишь в сфере идеала можно «задышать лучшею жизнью» (чрезвычайно характерное фетовское выражение из тех же воспоминаний); эту сферу образуют: красота (которая «разлита по всему мирозданию» и к которой художник стремится, как пчела к цветку), любовь («которая, как связующее

начало, разлита во всей природе»), сокровенные моменты созвучия космической и душевной жизни, творения искусства. Всем этим и «дышал» Фет в своей лирике.

Стихотворение «Я пришел к тебе с приветом» не только «лирический автопортрет» и «поэтическая декларация» молодого Фета; это одна из самых ранних его «весенних песней» — того рода стихотворений, которые составляют сердцевину фетовского творчества. За их «благоуханной свежестью» стояло подлинное духовное откровение, пережитое поэтом в молодости,— откровение непостижимой бессмертной стихии жизни, которая олицетворилась для него в образе вечно юной Весны. Вот одно из самых «программных» стихотворений фетовской «весенней сюиты»:

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

«Бессмертной Весне», этому величайшему своему божеству, Фет будет приносить поэтические дары до последнего дыхания; каждую весну его будет вдохновлять чувство «весеннего возрождения»:

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях...

«Торжество весны» приносит поэту веру, что «как мир, бесконечна любовь»:

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

«Любовь» и «кровь» — вечная пара, и поэт не смущается «банальностью» рифмы, ибо чувствует это сердцем. Фетовские весенние стихотворения поражали читателя стихийной силой любовного влечения: «Смело можно сказать, что на русском языке еще не бывало подобного изображения весенней неги, доходящей до болезненности». Так сказал критик Дружинин о стихотворении «Пчелы», в котором поэт буквально не находит себе места от сжигающего его «весеннего огня»:

Сердце пышет все боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Музыка «сердечного огня» звенит пчелиной песнью: «В каждый гвоздик душистой сирени, / Распевая, вползает пчела» — и сам поэт как будто превращается в пчелу. Пчела у Фета (во многих случаях) несет в себе «радость земли», она символизирует как раз ту «страстную чувственность», которую отмечала критика в фетовской поэзии среди других характерных черт. Однако в этой поэзии живет и другой крылатый вестник весны — соловей. Если пчела поет днем, то царство соловья — весенняя ночь:

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Земная ночь, пронизанная весенней любовной тревогой,— это частица мирового гармонического целого; поэтому так интимно-родственны отношения души поэта с космической бесконечностью — со звездами. Из фетовских стихотворений можно было бы составить целый «звездный цикл»: так много писал он о звездах (как никто в русской поэзии), снова и снова находя в звездном небе вдохновение для своего «космического чувства». Одна из вершин «звездной лирики» Фета — стихотворение, которое Чайковский ставил «наравне с самым высшим, что только есть высокого в искусстве»:

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал...

На этот раз поэт не передает своих «диалогов со звездами» (как в некоторых стихотворениях этого рода) и не просто чувствует свое родство с космической жизнью — он переживает необычайное состояние погружения в космическую глубину:

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

Как оценивал сам поэт свою открытость столь уникальным переживаниям? В этом же стихотворении Фет дает исключительно важное для понимания его творческого дара самоопределение: он говорит о себе —

...я, как первый житель рая...

Этим мифологическим уподоблением Фет как бы указывает на первозданную полноту, силу и чистоту своего «человеческого естества», всех изначальных чувств, данных природой человеку (эту фетовскую «первобытную природность» отмечала и критика). Если продолжить мифологему «первого человека», то надо будет сказать, что в фетовской поэзии рассказано столько же о «первом человеке» (мужчине), сколько и о «втором» (женщине), а более всего — о них обоих, об их любви в «райском саду». «Свидание в саду» — самый частый сюжет его любовной поэзии; как, например, в замечательном стихотворении начала 1850-х годов:

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит,— песнь его громка;
Разве слышит только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли...

Но, конечно, самое знаменитое стихотворение этого рода — то, с которого и началась громкая слава Фета и которое навсегда стало для многих русских читателей символом всей фетовской поэзии:

Шепот сердца, уст дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

Бледный блеск и пурпур розы,
Речь не говоря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Здесь любовное свидание окутано какой-то «полупрозрачной завесой», каким-то таинственным полумраком. Однако можно догадаться, что в этом воздушнейшем стихотворении скрыты «радость зем-

ли», огонь страсти, что это один из тех случаев (по словам самого Фета), когда «поэт сам не подымает окончательно завесы перед зрителем, предоставляя последнему глядеть сквозь дымку, как, например, пред изображением вчерашней наивной девушки, взглянувшей наконец в действительную жизнь с ее высшими дарами». Да, «первый житель рая» умел рассказать о первозданном человеческом естестве, о вечных «радостях земли» не только с поэтическим целомудрием, но и с ошеломляющей лирической новизной. Читатели этого стихотворения (оно было впервые опубликовано в 1850 году во втором номере журнала «Москвитянин») поражались его безглагольности; но это полное отсутствие глаголов (небывалое до того в русской поэзии) не технический эксперимент, а органическая часть той «музыки любви», которая стремится передать поднимающуюся, нарастающую и разрешающуюся волну страсти. Не логически последовательной речи, опирающейся на глаголы и расчлененной синтаксисом, хочет Фет; он ищет лирического способа выразить дрожь сердца, огонь крови, волнение и нарастание страсти: Фет ищет речи **музыкально-экстатической.**

Афанасий Фет снискал славу в самом «музыкальном» роде словесного творчества — лирике; это — высокое и очень трудное искусство. Лирический поэт как художник слова имеет дело с особенным материалом, который можно назвать «звукосмыслом»: это то, что рождено единством «волшебных звуков, чувств и дум» (как определил область лирики еще Пушкин). Лирика — словесный вид искусства, но вместе с тем органически связан с музыкой: ведь музыка живет внутри самого человеческого слова, которое есть не только «смысл», но и «звук». Все слова человеческой речи — это океан звуков, это великая и таинственная стихия «музыки речи», над которой властен только лирический поэт: чем глубже изведал он тайны этой музыки, тем больше мощь, тем неотразимее магия сотканного им нового «смыслового созвучия», каким является лирическое стихотворение. Порой такое стихотворение заключено всего в нескольких строках, но по властной силе его воздействия на нашу душу можно догадаться о громадной духовной энергии, затраченной на него поэтом. Однажды Фет написал о процессе создания лирического произведения как о «напряженном акте», в котором «сосредоточены все усилия духа — все, можно сказать, видимые и невидимые средства». Убеждения Фета-лирика выразительно характеризуют следующие слова: «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны. Все вековечные поэтические произведения от пророков до Гете и Пушкина включительно — в сущности — музыкальные произведения — песни».

Один из шедевров фетовского «лирического пения» — стихотворение «Шепот сердца...»; очень тонко уловил его «музыкальное дыхание» Аполлон Григорьев: «Это ряд бесконечных, столь внутренно связанных, столь необходимо следующих один за другим аккордов, которых прервать нельзя — стихотворение, которое не может быть иначе прочтено как одним дыханием». Григорьев, замечательный поэт и творец «органической критики», говорит здесь о «дыхании песни» у Фета, об «аккордах» его поэзии: эти образы были равно близки как одному, так и другому поэту. Однажды Григорьев получил от Фета письмо, которое включил в свой рассказ «Другой из многих» (опубликован в 1847 году); это письмо содержит чрезвычайно характерную для Фета жалобу на бессилие слова высказать сразу, одновременно все множество мыслей и чувств, непосредственно перелить их в собеседника. «Тут бы надобна музыка, потому что одно это искусство имеет возможность передавать и мысли и чувства не раздельно, не последовательно, а разом, так сказать — каскадом. Прочь переходные состояния, как бы разумны они ни были; да, прочь! их не существует...» В этих словах мы слышим все то же заветное желание «поэта-музыканта»:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

В упомянутом рассказе Григорьева автор письма именуется «ротмистром Зарницыным». Фет в это время действительно служил в армии, хотя имел чин не ротмистра, а только корнета. Окончив Московский университет (по словесному отделению) в 1844 году, Фет в следующем году направился в Херсонскую губернию, где поступил на службу в кирасирский Военного Ордена полк. Фет избрал «наследственный» для Шеншиных род войск — кавалерию. Сотни дворянских детей подобным же образом шли по стопам своих отцов — военных; но для Фета вступление на эту дорогу имело иной смысл: не естественное продолжение родовой традиции, а целенаправленное обретение ее, возвращение в то лоно, откуда он был исторгнут. «Вольноопределяющийся действительный студент из иностранцев» мог снова стать законным членом своего дворянского рода только одним путем — поступить нижним чином в армию и дослужиться до офицера. Фет вышел на борьбу с судьбой — и в этом споре обнаружил энергию, упорство и терпение, которые трудно было предположить. Девизом неимущего кирасирского «унтера» стал совет, данный ему эскадронным командиром Оконором: «Вам надо идти дорожкою узкою, но верною». Вчерашний вольный студент беспощадно обуздал себя во всем; ни на шаг не отступая от поставлен-

ной себе цели, Фет достиг образцовой военной формы, удовлетворявшей самых строгих командиров. Но судьба как будто смеялась над ним: за время его службы дважды выходили царские указы о повышении ценза для получения потомственного дворянства — сначала это был чин майора, а потом полковника. Достичь последнего Фет уже не надеялся — и в 1858 году вышел в отставку гвардии штабс-ротмистром (в 1853 году Фет добился перевода из кирасирского полка в лейб-гвардии уланский, квартировавший недалеко от Петербурга). Много жертв принес Фет, стремясь к своей цели, и самой тяжелой из них была потеря любимой девушки, Марии Лазич, дочери бедного херсонского помещика. «...Это существо стояло бы до последней минуты сознания моего передо мною — как возможность возможного для меня счастия и примирения с гадкою действительностью. Но у ней ничего и у меня ничего...» — так писал Фет в марте 1849 года близкому другу И. Борисову. Он не нашел в себе решимости жениться на бесприданнице (и тем самым поставить крест на всех своих планах); а в 1851 году Мария погибла (историю этого трагического романа Фет подробно рассказал в своей мемуарной книге «Ранние годы моей жизни»; памяти Марии посвящено несколько его стихотворений — «Старые письма», «Долго снились мне вопли рыданий твоих» и другие).

Годы военной службы стали важной эпохой в судьбе Фета — человека и поэта. «...Никакая школа жизни не может сравниться с военною службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычку к мгновенному достижению цели кратчайшим путем» — так оценивал в мемуарах Фет значение своего «военного поприща». Эта эпоха сформировала из юного поэта зрелого мужа, оформила весь облик Фета — с тем его парадоксальным сочетанием «практика» и «поэта», «рациональности» и «интуитивности», которое так изумляло всегда близко знавших его людей. Эту свою отличительную особенность Фет в поздние годы описал в одном из писем так: «Несмотря на исключительно интуитивный характер моих поэтических приемов, школа жизни, державшая меня все время в ежевых рукавицах, развила во мне до крайности рефлексию. В жизни я не позволяю себе ступить шагу необдуманно...»

По собственному признанию Фета, в первые годы военной службы поэзия его «упорно безмолвствовала». В 1847 году, приехав в отпуск в Москву, он вместе с А. Григорьевым приготовил к изданию сборник своих прежних стихотворений. Этот сборник вышел в свет в 1850 году и обозначил собой рубеж в творческом пути поэта. Позади было начало пути, такое многообещающее, впереди — время наивысшего взлета поэтической славы Фета: этим временем

стали 1850-е годы. В 1853 году в Петербурге, в редакции журнала «Современник», появился «коренастый армейский кирасир, говорящий довольно высоким слогом», и скоро стал равным в кругу этого журнала, где собрался весь цвет русской литературы. Особенно близко сошелся Фет с Тургеневым и издателем «Современника» Некрасовым: первый стал на долгие годы его ближайшим «литературным советником», а второй не только превозносил его талант («человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет»), но и столь явно отдавал в своем журнале предпочтение стихам Фета перед всеми иными — в том числе и своими собственными,— что Фет превратился в 1850-е годы в ведущего поэта «Современника» и фактически в одного из первых поэтов эпохи. Лев Толстой, прочитав в 1857 году одну из новых фетовских «весенних песней» (стихотворение «Еще майская ночь»), отозвался так: «И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» Это было время высшего взлета поэтической славы Фета: русская литература «окружает похвалами» его поэзию, критика не скупится на самые лестные отзывы, у читателей он в моде и, наконец, «романсы его распевает чуть ли не вся Россия» (по словам М. Салтыкова-Щедрина).

Но вот то десятилетие, которое вынесло Фета к великой славе, подошло к концу; у порога стояла новая эпоха — 60-е годы, время кардинальных социальных преобразований, новых идейных веяний и резкого размежевания литературных и общественных сил. «Современник» стал органом революционной демократии; Фет порывает с этим журналом, а вскоре прекращает отношение и с его издателем Некрасовым. Именно тогда и возникает знаменитый антагонизм «Некрасов — Фет»; но в этом противостоянии двух крупнейших поэтов своего поколения позиция Фета была гораздо сложнее и драматичнее, чем могло бы показаться по той репутации «эстетствующего реакционера», которая была создана вокруг Фета радикально-разночинской критикой (и стала затем надолго едва ли не основным критерием оценки всего творчества Фета) [1]. Полемика Фета с «шестидесятниками», борьба с идеями революционной демократии — это лишь часть той драмы художника, какой, безусловно, был

[1] Лишь сравнительно недавно появились существенные работы, выявившие духовно-историческую глубину проблемы «Некрасов и Фет»: Е. В. Ермилова. Некрасов и Фет.— В сб.: «Н. А. Некрасов и русская литература». М., 1971; Н. Скатов. Некрасов и Фет.— В его кн.: «Некрасов. Современники и продолжатели». Л., 1973.

фетовский «спор с веком» под знаменем «служения чистой красоте» — спор, начавшийся в 60-е годы и продолжавшийся до конца жизни поэта. Лирик Фет, чтобы остаться самим собой, должен был встать против господствующего течения и, сохраняя неприкосновенность своего поэтического мира, обречь себя на полное одиночество. Фет до конца жизни остался верен себе в отстаивании прав «свободной поэзии» — свободной от «всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских»; в 1888 году поэт писал: «...эта скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии». Это было сказано в предисловии к одному из тех четырех поэтических сборников, которые старик Фет выпускал под общим названием «Вечерние Огни» и которые ознаменовали подлинное «чудо возрождения» его поэзии после длительного перерыва.

Перерыв этот был заполнен хозяйственной деятельностью. После женитьбы в 1857 году на девушке из богатой московской семьи Марии Петровне Боткиной и выхода в отставку (1858 год) Фет пытался встать на путь профессионального литератора. Но вскоре убедился в «невозможности находить материальную опору в литературной деятельности», чему немало способствовали «утилитарные» умонастроения, «базаровские» идейные веяния и вкусы новой эпохи, враждебные фетовской эстетике и поэзии. Фет впал в состояние тяжелейшей хандры и депрессии; в этой ситуации спасительным оказалось для него решение оставить литературу и заняться сельским хозяйством. Сельскохозяйственный сезон 1861 года Фет провел уже на «своей земле»: на юго-западной окраине родного ему Мценского уезда, среди голой степи, он купил хутор Степановку с двумястами десятинами отличной, черноземной пахотной земли. Родственник Фета, литератор В. Боткин, не сомневался в успехе предприятия: «А ты, Фет, я думаю, можешь быть хорошим хозяином при твоем практическом смысле». Но, может быть, наиболее важными были для Фета слова одобрения и поддержки, сказанные его другом — писателем, еще раньше него оставившим литературу ради «сельского дела». «Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содействовал ей»,— писал Л. Толстой 12 мая 1861 года Фету, называвшему себя «упраздненным сочинителем». Живой портрет хозяина Степановки находим в письмах ему Тургенева (он навещал Фета в свои приезды в Спасское и переписывался с ним из-за границы): «...вижу Вас, как Вы вскакиваете и бородой вперед бегаете туда и сюда, выступая Вашим коротким кавалерийским ша-

гом...»; «Я не могу себе нначе представнть Вас теперь, как стоящим по колеин в воде в квкой-нибудь трвишее, облечениым в халат, с загорелым иосом, и отдающнм снплым голосом приказы работннкам. Желаю Вам всяческнх успехов н до-небесиой пшеинцы».

Семнадцать лет жнзнн отдал Фет Степановке, превратив ее в образцовое доходное хозяйство; более того, бывшнй хутор стал хорошо устроенной усвдьбой со скромным, но уютным и комфортабельиым домом, с прудом, садом (выращенным нв пустом месте), с отличной подъездной дорогой на месте прежней непролазной колен н т. д.

Виутренняя, духовная жизнь хозяниа Степановкн известиа нам более всего по переписке с Толстым — ближайшнм другом Фета в 1860—1870-е годы. 19 октября 1862 года Фет писал в Ясную Поляну со своей фермы: «Жена набреиькнвает чудные мелодин Mendelson'a, а мне хочется плакать. Эх, Лев Нниколаевич, постарайтесь, если можете, приоткрыть форточку в мир нскусства. Там рай, там ведь *возможности вещей* — ндеалы». Фет проснл Толстого вернуться к искусству, но на то же самое надеялся н Толстой, когда писал своего другу (в нюне 1867 года): «Я от вас все жду, как от 20-летнего поэта, н не верю, чтобы вы кончилн. Я свежее н снльиее вас не зиаю человека». А когда в мае 1870 года Фет прнслвл ему свое новое весеинее стнхотворенне («Майская ночь»), Толстой писал поэту: «...мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока». Толстой не только оквзался прав, но и проницательно подметил в новом лирическом потоке Фета нечто еще небывалое; прочитав очередное «весениее лирнческое прнношение» (стнхотворение «В дымке-невндимке...») своего друга, он сообщал ему (11 мая 1873 года): «Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не уловлениое прежде чувство боли от крвсоты, выражено прелестио». Еще в 50-е годы в фетовском стихотворенин «Диана» однн из самых духовно чутких читателей, Достоевский, почувствовал «моленне перед совершеиством прошедшей красоты н скрытую внутреннюю тоску по такому же совершенству». Теперь, в 70-е годы, эта прежде скрытая «тоска по совершенству» превратнлась у Фета в ясно различнмую «боль от красоты», зазвучав «плачем» н «рыданнем» в его поздней лнрике.

Далекий друг, пойми мон рыдаиья,
Ты мие прости болезиеиный мой крнк.
С тобой цветут в душе воспомииаиья,
И дорожить тобой я не отвык...—

так начинается стнхотворное обращеине стврнка Фета к Александре Львовие Бржеской, одной из самых дорогих поэту женщнн, с которой его связывали близкие отношения еще со времен херсонской

службы. Это стнхотворение — выразительнейшнй «лирический автопортрет» позднего Фета, подтверждающего верность своему призванию и своим духовным ценностям:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Горестное чувство «безотзывности», обреченности одиноко нести свой «поэтический огонь» с огромной силой звучит в финале стихотворения:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет и плачет, уходя.

Но прежде, чем навсегда уйти в ночь, «поэтический огонь» ослепительно просиял над жизнью Фета. Этот последний взлет творческой активности поэта совпал с важной переменой в его жизни: он покинул Степановку, оставил хозяйственную деятельность и, купив в 1877 году великолепную старинную усадьбу Воробьевку, сделал ее «обителью поэзии». Здесь «лирический поток» старика Фета набрал полную силу, и появились один за другим четыре выпуска его лирических стихотворений (1883, 1885, 1888, 1891) под общим названием «Вечерние Огни». Название было многосмысленным, многозначным, предметным и символическим одновременно. Это был и «вечер жизни», но и тот переходный час от дня к ночи, когда радостнее всего чувствовал поэт свою «легкость», «освобожденность» от дневных, будничных забот; огонь зажигал уединенный человек, «не занавесивший вечером своих освещенных окон», но за каждым «окошечком» четырех лирических книжек горели бесконечные живые огни природы, космоса.

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

Перед нами мотив, знакомый по более раннему стихотворению «На стоге сена ночью южной»; поздний Фет не выходит за пределы своего лирического мира, но — если употребить его собственное вы-

ражение (ощущенне движения поэтической силы как «вращение цветочных спиралей») — он выходнт на новый, высший внток поэтнческой энергнн, духовного порыва, музыкальной снлы. В поздней фетовской лнрнке, как н в ранней, все так же «царит весны таинственная снла»:

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно — радостно мне!
Вот я стою,
Вот я нду,
Словно таннственной речн я жду...

Стóит сравнить «таннственное свнданне» этого стнхотворення с «таннством любвн» стнхотворення «Шепот сердца, уст дыханье», чтобы почувствовать, какнх высот просветленной духовностн достнг любовный экстаз поэта. И дело было не в старческой немощи человека, но, наоборот — в вечной молодостн лнрика. Очень хорошо почувствовала это женщнна, которая блнзко знала Фета — человека н поэта. Софья Андреевна Толстая, опнсывая в мемуарах встречу с Фетом в Ясной Поляне весной 1891 года, вспоминает необыкновенное цветенне яблонь н Фета, восхнщенного ею и сестрой Татьяной: «Он декламировал нам стнхи, н все любовь, и любовь. И это в 70 лет. Но он своей вечно поющей лирикой всегда пробуждал во мне поэтнческое настроенне...» «...Все та же, вечно молодая поэзня, для которой нет нн возраста н никакнх оков», — так сказала та же С. Толстая (в одном нз пнсем 1886 года) Фету о его лнрнке.

Как мы помнни, фетовскне «песнн любви» поет не только соловей, но н пчела, снмволнзирующая страстно-чувственное начало в его поэзин. Так, некогда в стнхотвореннн «Роза» поэт говорнл:

И тебе, царнца Роза,
Брачный гнмн поет пчела.

Поэт называет здесь любнмейшнй нз своих цветов, в котором он всегда видел совершеннейшее созданне природной красоты. Поэтому свою «страстную розу» Фет отождествляет с красотой женского тела — подобно тому, как древнне греки посвящали розу совершеннейшей нз женщнн, богнне красоты и любвн Афродите:

Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажнла росой,
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мнр любвн передо мной.

И через двадцать лет фетовское переживание «тождества цветка и женщины» остается все таким же глубоко-сердечным, страстно-чувственным; его «пчелиный инстинкт» все так же могуч, все так же влечет его священная красота розы и всепобедная красота женщины. Но теперь старик Фет изливает свою страсть в полных драматизма строках, звучащих с органной мощью:

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блестки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом...

Можно ли не поразиться поэту, которого ни долгие жизненные невзгоды, ни изнуряющие болезни, ни немощная старость не могли разлучить с тем «садом любви», где «ночных благовоний живая волна» «доходит до сердца, истомы полна...». Но, конечно, самое поразительное, как жил этот лирик внутри человека, имевшего совсем иной «лик»: «В нем было что-то жесткое и, как ни странно это сказать, было мало поэтического. Зато чувствовался ум и здравый смысл» (С. Л. Толстой). Разрешить загадку «двуликости» Фета пытался и один из ближайших его друзей, поэт Яков Полонский. Он писал своему другу 25 октября 1890 года по поводу его стихотворения «Упреком, жалостью внушенным»: «Я по своей натуре более идеалист и даже фантазер, чем ты, но разве я или мое нутро может создать такой гимн неземной красоте, да еще в старости! <...> Что ты за существо — не постигаю <...> Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому невидимый, и нам грешным невидимый, человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд, и окрыленный. Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит! Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений,— перед таким существом, от света которого божий мир тонет в голубоватой мгле!»

Что же питало того «внутреннего человека», который жил в Фете и которому мы обязаны фетовской лирикой? И критики и читатели говорили о «волшебной музыкальности» этой поэзии. Сам Фет утверждал, что «поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны»; но «музыкальность» означала для него нечто гораздо большее, чем ласкающее слух благозвучие. В одной из статей поэт писал: «...сущность предметов доступна для человеческого духа с

двух сторон. В форме отвлеченной неподвижности и в форме своего животрепещущего колебания, гармонического пения, присущей красоты. Вспомните пение сфер. <...> Человеку-художнику дано всецельно овладевать самой сокровенной сущностью предметов, их трепетной гармонией, их поющей правдой». Музыка открывает поэту самую сокровенную суть бытия; Фет же был, по словам Чайковского (считавшего его «поэтом безусловно гениальным»), «не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Однажды в письме к Толстому Фет сказал: «Все понимается музыкой груди, но слов понять нельзя». Это замечательное речение — «музыка груди» — есть своего рода ключ фетовской музыкальности. С одной стороны — это то, чем живет, чем дышит «внутренний человек», лирик в Афанасии Фете; с другой стороны, этим выражением можно обозначить то искусство, которое сильнее всего воздействовало на Фета: искусство пения. Когда же он слышал женское пение, то это было для него живым слиянием двух глубочайших начал бытия, Музыки и Любви.

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом...—

обращался Фет к юной певице в одном из стихотворений 1850-х годов. А в эпоху «Вечерних Огней» появилось стихотворение, где поэт запечатлел высочайший свой взлет в царство чистой «музыки бытия»:

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,

Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

Быть может, это стихотворение более, чем какое-либо другое, дает нам почувствовать, каким «чистым и свободным воздухом поэзии» дышал Фет, когда он искал в своей лирике единственного убежища от тягости собственной будничной жизни, от всего меркантильно-прозаического, мелочно-озабоченного, расчетливо-корыстного, равнодушно-эгоистического в себе самом и в окружающей действительности. Фет считал своим «крестным отцом» в поэзии Гоголя, и вольно или невольно оказался исполнителем его призыва: «О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром...».

О коренном свойстве фетовской поэзии замечательно точно сказал как-то в письме к Фету его друг Полонский: «...мой духовный внутренний мир далеко не играет такой первенствующей роли, как твой, озаренный радужными лучами идеального солнца». Эта радуга фетовской поэзии победила мрак его жизни. Свет идеала был для него силой преображающей — подобно той идее преображения мира, которая существовала в одном из вариантов «народной идеологии»: радуга, являющаяся на земле человеку, есть знак того, что мир горестный, тленный и временный может быть духовно преображен и стать «нетленен, чист, светел, вечен». Фетовская песня возносилась тем же духом «сопротивления тяготам жизни» (В. Асафьев) и достигала той же всеохватывающей экстатической силы, которые мы находим у безвестного народного певца (его рассказ сообщен в книге известного этнографа С. Максимова «Бродячая Русь»): «Я пою, а в нутре как бы не то делается, когда молчу, либо сижу. Поднимается во мне словно дух какой и ходит по нутру-то моему. Одни слова пропою, а перед духом-то моим — новые встают и как-то тянут вперед, и как-то дрожь во мне во всем делается. Лют я петь, лют тогда бываю: запою и по-другому заживу, и ничего больше не чую».

У Фета было свое отчетливое представление о «назначении поэта»:

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец...

Фетовская лирика вовсе не зовет к «уходу от жизни» — она лишь предлагает собственную программу поэтического действия в ней. Много в этой программе или мало — пусть решает сам читатель.

А. Тархов

Стихотворения

СНЕГА

◆ ◆ ◆

Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
Под пологом снегов как смерть однообразной...
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под темносиним льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные, иль средь нагих полей,—
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью,— круженье вихрей дальных
И блеск торжественный при звуках погребальных.

<1842>

◆ ◆ ◆

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий оттиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна.

Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,
Чтобы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложённую тобой.

<1842>

◆ ◆ ◆

Вот утро севера — сонливое, скупое —
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь — и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже! как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

<1842>

◆ ◆ ◆

Ветер злой, ветр крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается.

При луне — на версте мороз
Огонечками,—
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.

Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

<1847>

◆ ◆ ◆

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят,—
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

<1842>

◆ ◆ ◆

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

<1842>

◆ ◆ ◆

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

<1842>

◆ ◆ ◆

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем — полость застегну я,—
Ночь светла и ровен путь.
Ты умолкнешь — замолчу я,
И пошел куда-нибудь.

И летучею ездою,
Зимней ночью при луне,
Я душе твоей раскрою
Все, что ясно будет мне.

<1847>

◆ ◆ ◆

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день — свои дозоры
И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Все кругом меня.

Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
    Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
    Ты утомлена.

Но люблю я утомленье
    Это созерцать:
. . . .
. . . .

В торжестве успокоенья
    Светлой красоты,
Без улыбки, без движенья,
    Мне понятна ты.

<1847>

ГАДАНИЯ

◆ ◆ ◆

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
    Я при свечах навела,
В два ряда свет — и таинственным трепетом
    Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою —
    Там, за спиной, нет огня —
Тяжкое что-то над шеею белою
    Плавает, давит меня!

Ну — как уставят гробами дубовыми
    Весь этот ряд между свеч!
Ну, как лохматый с глазами свинцовыми
    Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня —
    Что ж?.. обернись, погляди!..
Суженый! золото, сéребро!.. Чур меня,
    Чур меня — сгинь, пропади!

<1842>

◆ ◆ ◆

«Слушай одна ты — нам не годится».
Мертвая тишь!..
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.

«Чу! не стучите! Кто-то шагает
Вдоль закромов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.

Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, все обещает,
Только сердит».

«Ну, а тебе что?» — «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы,—
Что-то поют;

Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
Шут подшутил».

<1842>

◆ ◆ ◆

Ночь крещенская морозна;
Будто зеркало — луна.
«Побегу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна».

— «Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!»
— «Я с тобою,— за избою
Наводи да наводи!»

Ничего: пес рябый ходит,
Вот и серый у ворот...

И красавица наводит —
И никак не наведет.

«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять...
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.

Ну, захочет почудесить?
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя как чешуя...

Вот одиннадцать — всё лица!
Вот собаки лай и вой...
Чур меня!..» — «Ну что, сестрица?»
— «Раскрасавец молодой!»

<1842>

◆ ◆ ◆

Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,

И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;

Но зато уже влюбился
Твой воспитанник невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что? не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?

Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

<1842>

◆ ◆ ◆

Перекресток, где ракитка
И стоит и спит:
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрыпит.

Кто-то крадется сторонкой —
Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»

И ответ, как голос рока,
Прозвучит врасплох:
Телогрейку им высоко
Приподымет вздох.

<1842>

МЕЛОДИИ

◆ ◆ ◆

Перлы восточные — зубы у ней,
Шелк шемаханский — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Светят большие глаза.

Перси при каждом вдыханьи у ней
Так выдаются вперед,
Будто две полные чаши на грудь
Ей опрокинул Эрот.

Если же с чувством скажет: «люблю» —
Чувство и слово лови!
К этому слову — ты слов не иайдешь,
Чувства — для этой любви.

<1842>

* * *

Как ум к ней идет, как к ней чувство идет,
Как чувство с умом в ней умеет сродниться,
Умеет родное найти — и на нем
Так ярко и тонко всегда отразиться.

Сквозь ставень окна серебристым лучем
Так в спальню прекрасной луна проникает,
На стол упадет — и нашедши на нем
Алмаз позабытый, с алмазом нграет.

<1842>

* * *

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадио с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы,
Ближе нельзя иам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо миой,
Грустно головку склоня,—
Мие так отрадио с тобой:
Не отходи от меня!

<1842>

* * *

Утром курится поляна,
Вьется волнистый туман,
И на развивы тумана
Весело смотрит Титан.

Шире грудей колыханье,
Локон свивается вновь,—
Слаще младое дыханье
И непорочней любовь...

Утро, как сон новобрачной,
Полно стыда и огня —
Все, что вечор было мрачно,
Ясно в сиянии дня.

<1842>

◆ ◆ ◆

Тихая, звездная ночь...
Трепетно светит луна:
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Дева — радость любви!
Звезды что очи твои:
В небе луна и в воде,
Будто печаль и любовь.

Друг мой! я звезды люблю
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

<1842>

◆ ◆ ◆

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды:
Я полон дум.

Я все с тобой, когда рука неволи
Владеет мной —
И целый день, будь ясно ли, темно ли —
Я все с тобой.

Я жду тебя под сладкий шум фонтана,
И потопя
Туда глаза, где крадется Диана,—
Я жду тебя.

<1842>

◆ ◆ ◆

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

<1842>

◆ ◆ ◆

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.

Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.

Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом:
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоем.

<1842>

NOCTURNO *

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!

* Ноктюрн (*ит.*).

Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь.

И стекол нет, и свищет вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющ растет, да устремляет очи
Полночная луна.

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор —
И слышатся на по́мосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

И грустную симфонию печали
Звучит во тьме орган...
То тихо все, как будто вечно спали
И стены и орган.

<1842>

◆ ◆ ◆

Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь —
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?

Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну —
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми —
И, жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

<1842>

◆ ◆ ◆

В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем —
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь:
Так чуткая травка под грезы Эола,
Под сонную арфу качается в тишь.

Так в теле, так в членах, объятых забвеньем,
Одно безусталое сердце стучит,
В тот час, как при звездах недвижных, холодных,
Одна яркой искрою к бездне летит.

<1842>

◆ ◆ ◆

Я узна́ю тебя и твой белый вуаль,
Где роняет цветы благовонный миндаль,
За решеткою сада, с лихого коня,
И в ночи при луне, и в сиянии дня;
И гитару твою далеко слышу я
Под журчанье фонтана и песнь соловья...
Днем и ночью гляжу сквозь решетку я вдаль —
Не мелькнет ли в саду белоснежный вуаль?

<1842>

◆ ◆ ◆

Мы ехали двое... Под нею
Шел мерно и весело мул;
Мы въехали молча в аллею,
И луч из-за мирты блеснул.

Все гроздья по темной аллее
Зажглися прощальным огнем —
Горят все светлее, алее,
И вот мы в потемках вдвоем.

Не бойтесь, синьора! Я с вами —
И ручку синьоры я взял,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ее целовал.

<1842>

◆ ◆ ◆

За красавицу соседку,
За глаза ея —
Виноградную беседку
Не забуду я.

Помню ветреной смуглянки
Резкий, долгий взор —
Помню милой итальянки
Утренний убор...

Жаркой груди половину,
Смоль ее кудрей —
И плетеную корзину
На руке у ней.

И прозрачной тени сетку
На лице ея —
Виноградную беседку
Не забуду я.

<1842>

◆ ◆ ◆

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул...
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды чистые зажглися
По навесу мглы.

Только хор свой огибает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Да и тот задремлет чутко —
Не усну лишь я...
Огонек блеснул... малютка
Верно ждет меня.

<1842>

◆ ◆ ◆

Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.
Не клянись мне, я верю: я точно любим,
И похвально твое постоянство;

Я и сам и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько веры в глазах!.. Я скажу не шутя:
Мне не выбрать милее подруги.

Но к чему тут обман? Говорим, что хотим;
И к чему осторожное чванство?
Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.

<1847>

◆ ◆ ◆

Если зимнее небо звезда́ми горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный скользит,
Предо мною ты вся создана.

И светла и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть следов.
И светла и легка — но зато ни следа;
Только грудь обуяет любовь,

И летел бы, летел за красою твоей
И пускай в небе звезды горят,
И быстрей и светлей мириады лучей
На пылинки ночные глядят.

<1843>

◆ ◆ ◆

Полуно́чные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах;
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут;
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес.
Я боялся, они мне откроют,
Что я сам их призыв произнес.

<1843>

◆ ◆ ◆

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь,—
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

<1843>

◆ ◆ ◆

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне;
Мы сели с ней друг подле друга —
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту тьму!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О, друг мой! скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной.

<1842>

* * *

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки,—
Знать, сердцу не слушать их дважды...

Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвечённый уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?

Под сладостный голос родного,
В заветной святыне раздумья,
Так много трепещет былого,
И молит у сердца безумья;

Но едкие слезы разлуки
Душевной не уняли жажды:
Вы, полные, сладкие звуки,—
Знать, сердцу не слушать их дважды!..

<1844>

СЕРЕНАДА

Тихо вечер погорает,
    Горы золотя;
Знойный воздух холодает —
    Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
    Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
    Спи, мое дитя.

Блещут ангельские очи,
    Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
    Спи, мое дитя.

Так легко и так привольно,
  Страсти укротя,
В сердце вымолвить невольно:
  Спи, мое дитя.

<1844>

◆ ◆ ◆

Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
  И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
  Вечный — свят, свят, свят!

В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
  За плечом молчит,—
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
  Ангел пролетит.

<1847>

◆ ◆ ◆

За кормою струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

Млечный Путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу —
И луна бежит вослед.

Поневоле песни вьются:
Ты с гитарою в руке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

<1844>

ИЗ БАЙРОНА

О солице глаз бессоиных! звездный луч,
Как слезио ты дрожишь меж дальиих туч!
Сопутиик мглы, блестящий страж ночной,
Как по былом тоска сходиа с тобой!

Так светит иам блажеиство давиих лет,
Горит, а все ие греет этот свет;
И гостья дум воздушная видиа,
Но далеко,— ясна, ио холодиа.

<1844>

ИЗ МУРА

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луиу облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовиик уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою теиью
Мрачил твое сердце и жил без забот.
Сошлись мы — ка́к верила ты наслажденью,
Ка́к верила счастью,— о боже!.. И вот,

Теперь — свободна ты, диво создаиья:
Скорее тяжелый свой сои разгоияй;
Смотри, и луиы уж прошло обаяиье,
И тучи минуют,—Тереза, прощай!

<1847>

◆ ◆ ◆

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы иаши свечи;
Твой душистый, твой послушный локои,
Развиваясь, падает иа плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластио
Царство тихой, светлой ночи майской?
Иль поет и ярко так и страстио
Соловей над розою китайской?

Знать, цветы, которых нет заветней,
Распустились в неге своевольной?
Знать, и кактус побелел столетний,
И банан, и лотос богомольный?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды?
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Все растет и рвется вон из меры;
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще... и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

<1847>

◆ ◆ ◆

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?

Не вам возродить, чего нет и что было,
Что сердце, как святость, в себе схоронило
    На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
    Что было так щедро дано.

<1846>

◆ ◆ ◆

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Август 1844

◆ ◆ ◆

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
    С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь будничных терний;
Былое стремленье
Далеко, как выстрел вечерний.

Но память былого
Все крадется в сердце тревожно.
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

◆ ◆ ◆

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

Скоро вспыхнут тучки,
Горы и потоки,
А у бледной ручки
Молодые щеки.

<1847>

VEILLE SUR CE QUE J'AIME *

Бди над тем, что сердцу мило,
Неизменное светило —
Звездочка моя.
Светлых снов и благодати
Ей, как спящему дитяти,
Умоляю я!

---

* Бодрствуй над тем, что я люблю *(фр.)*.

Свод небесный необъятен...
Чтоб на нем ей был понятен
Ход усталых туч,
Твой восход, твое стремленье
И молитвенное бденье,
И дрожащий луч.

<1847>

◆ ◆ ◆

Как отрок зарею
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.

Хоть в сердце нет веры
В живое преданнй наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.

Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенется,
Иль стнх благовонный
Из уст разомкнутых польется.

<1847>

◆ ◆ ◆

Свеж и душнст твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны;
Кудрн твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного ока губнтельна снла;
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душнст твой роскошный венок!
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок!

<1847>

* * *

Младенческой ласки доступен мне лепет:
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячнм прилнвом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет:
Давно не видались мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначащим оком.

— Ты смотришь мне в очн. Ты пра́ва: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет:
Душа откровенно так с жизнью мирится.

<1847>

ВЕЧЕРА И НОЧИ

* * *

Право, от полной души я благодарен соседу.
Славная вещь — под окном в клетке держать соловья...
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы!
Только прощальным огнем озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна,—
Веспера тайны в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за чело у нее! за атласные плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных нзвивах волос!
Стан — загляденье! притом какая вертлявая ножка!
Впрочем, зачем мне роптать на высокий забор?
В эту щель

Может быть, лучше она мне кажется. Труд
наслажденья
Цену ему самому удвояет... Но вечер настал...
Что ж не поет соловей, иль что ж не выходит
соседка?
Может, сегодня мы все трое друг друга поймем.

<1842>

◆ ◆ ◆

Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелися —
А берег во мраке пропал!

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
И весла, и огня за рекой?..

<1842>

◆ ◆ ◆

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омочённого пеной шипучей...
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...

Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится у брега
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья...
Он не молкнет, поет
Все громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?

Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на́ небе ясном высоко сверкает зарница.

<1842>

◆ ◆ ◆

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.

<1842>

◆ ◆ ◆

Долго еще прогорит Веспера скромная лампа;
    Но уже светит с небес девы изменчивый лик,
Тонкие змейки сребра блещут на влаге уснувшей,
    Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
    Скрыло богиню, и мрак сладостный землю покрыл.

<1842>

◆ ◆ ◆

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темносинее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

<1842>

◆ ◆ ◆

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я все вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнёт, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

<1842>

◆ ◆ ◆

Друг мой, бессильны слова,— одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине;
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.

<1842>

◆ ◆ ◆

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпили́ и кресты — бриллианты;
А там, за луной, горизонт
Чем дальше — светлей и прозрачней.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Что бы проплыть тому облаку мимо!
На что ему месяц?..
Знать, уж так до́лжно, знать, предназначено было.

<1842>

◆ ◆ ◆

Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке и воздух становится чище...
Зелени запах одну за одной из ульёв многошумных
Пчел вызывает.

Но что для меня еще лучше,
Это — когда он ее на дороге ко мне орошает!
Мокрые волосы, гладко к челу прилегая,
Так и сияют у ней, — а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их подолгу устами.
Но нестерпим ты мне ночью бессонною, Плювий
Юпитер!
Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате
слушать,
Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых, бессмысленных капель;
Точно как будто бы птиц проклятое стадо
Сотнями ног и носов терзают железную кровлю.
Юпитер Плювий, помилуй! Расти сколько хочешь
цветов ты
Для прекрасной и лавров юных на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночам мне в железную
кровлю.

<1842>

◆ ◆ ◆

Слышишь ли ты, как шумит вверху угольное стадо?
С криком летят через дом к теплым полям
журавли;
Желтые листья шумят, в березнике свищет синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны...
Друг мой! могу ль при тебе дожидаться блаженства
в грядущем?
Разве зимой у тебя меньше ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь, с детской улыбкой
Свой поправляя венок; так разреши мне сама,
Где у тебя на лице более жизни и страсти:
Вешним ли утром в саду, в полном сияньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла ножки-малютки
твоей?

<1842>

◆ ◆ ◆

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и
каждый
Образ пугливо-немой дальше трепещет во мгле...

Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме
Все невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоет — и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они...
Звук все тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит...
В мыслях иное совсем, думы — волна за волной...
А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно:
Так, посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя.

<1843>

◆ ◆ ◆

Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках,
Если луна с высоты прямо глядит на меня
И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами
По полу, комнату всю дымом прозрачным поя,
А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким проходит лучом
Все промежутки — и вниз ее золоченые стрелы
Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться по́ земи; сам же,
Светом осыпанный весь, черен, дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,
Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен!

<1847>

◆ ◆ ◆

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табун несется рысью.

Да оставь окно в покое,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетел бы из окошка.

<1847>

◆ ◆ ◆

Что за вечер! А ручей
Так и рвется;
Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы;
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то все весной живет!
В роще, в поле
Все трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти —
Придут с песнью на устах
Наши дети;

А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

<1847>

ТАЛИСМАН

1

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда! и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
И вы нередко судите, читатель.
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка — в лес нельзя ходить.

2

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт; плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напомню образ Танин,
Сугробами деревню завалю,
Как некогда январский «Москвитянин»...
Но,— виноват, я знаю, вам милей
Тверской бульвар неведомых полей!

3

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;
Не станете вы внутренно довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней.
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж,— зачем же мне их жаль?

4

Там у меня ни близких, ни родни,
Но, знать, душе напомнили те горы
Места иные, где в былые дни
Звучали в замках рыцарские шпоры,
Блистали в окнах яркие огни
И дамские роскошные уборы
И где теперь — давно ли был я там? —
Ни зал, ни шпор, ни благородных дам.

5

Да, все пройдет своею чередой!
Давно ли он, романтиков образчик,
Про степь и глушь беседовал со мной?
Он был и славный малый и рассказчик;
Но вот вся жизнь его покрыта мглой,
Он сам давно улегся в долгий ящик.
Но помню я в его рассказах ночь:
Я вам рассказ тот передам точь-в-точь.

6

— Шестнадцать лет, я помню, было мне.
Близ той деревни жил и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполне,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора — и вздумалось родне
Почти ребенка превратить в солдата.
Казалось, вдаль стремился я душой,
Но я любил, то был обман пустой.

7

Кто юных лет волнения не знал?
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надежд о счастьи не мечтал
С веселием улыбки простодушной?
И кто к ногам судьбы не повергал
Кровавых жертв любви великодушной?
И все пройдет: нельзя же век любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

8

Пора, пора из теплого гнезда
На зов судьбы далекий подниматься!
Смеркался день, вечерняя звезда
Вдали зажглась; я начал одеваться.
До их села недальняя езда;
Перед отъездом должно распрощаться.
Готова тройка, порский снег взвился,
И колокольчик жалко залился.

9

«Пошел, пошел! всего верст двадцать пять;
Да льдом поедем: там езда ровнее.
Смотри, чтоб нам в село не опоздать,
Хотя домой приедем и позднее.
Ты коренной-то не давай скакать».
Я нашей тройки не видал дружнее
(И вам, я чай, случалось ездить льдом);
Да вот и церковь, вот господский дом!

10

Не стану я описывать фасад
Старинного их дома. Из гостиной
В стекло балкона виден голый сад
С беседкою и сонною куртиной.
Признаться вам, ребяческий мой взгляд
Тогда иною занят был картиной,
И маменьке, хозяйке дома, чуть
Я не забыл промолвить что-нибудь.

11

Зато она рассыпала слова...
(За хлеб и соль ее хвалили миром.)
Радушная соседка и вдова,
Как водится, была за бригадиром;
Ее сынок любимый (голова!)
Жил в отпуску усатым кирасиром.
Где он теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!

12

Их было две — нам должно их назвать.
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станем звать.
Они прекрасны были. Чудной парой,
Для всех заметно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотела, что греха таить!
Но женщине как это не простить?

13

Мы младшую оставим: что нам в ней?
Она блондинка стройная, положим,
Но этот взгляд и смысл ее речей —
Все говорит, что и лицом пригожим
И талией горда она своей,
Что весело ей нравиться прихожим.
Зато Варвара — томная луна,
Как ты была прекрасна и скромна!

14

Ее не раз и прежде я видал,
Когда случался близко у соседства
Какой-нибудь необычайный бал
По случаю крестин или наследства;
Но в этот миг в душе припоминал
Я образ, мне знакомый с малолетства,—
И не ошибся: в городе одном
Мы с ними жили, рядом был их дом.

15

Что ж можно лучше выдумать? — И мать
Припомнила ту счáстливую пору
И прочее. Я должен был внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынок меня придумал занимать:
Велел привесть любимую мне свору,—
И я хвалил за стать его борзых,
А мне, признаться, было не до них.

16

Я и забыл: день святочный был то.
Зажгли огни; мы с Варенькой сидели;
Большое блюдо было налито,
Дворовые над блюдом песни пели,
И сердце ими было занято,
С гаданьями предчувствия кипели.
Я посмотрел на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.

17

С каким отрадным страхом я внимал
Тех вещих песен роковому звуку!
Но вот мое кольцо — я услыхал
В моем припеве близкую разлуку:
Как будто я давно о том не знал!
Но Варенька мне тихо сжала руку,
И капли слез едва сдержать я мог;
Но улетел неосторожный вздох.

18

Другой сосед приехал — он жених.
Но стол готов в диванной с самоваром,
И Варенька исчезла. В этот миг
Сосед-жених мне был небесным даром:
Им занялись. Я ускользнул от них.
«Вы не в столовой?» — Обдало как варом
Меня от этих слов... Но этот взор!..
О, я вполне ей верил с этих пор!

19

Мы говорили бог знает о чем:
Скучают ли они в своем именьи?
О сельском лете, о весне; потом
О Шиллере, о музыке и пеньи.
«Я вам спою... Скажите, вам знаком
Романс такой-то?» — В сладком упоеньи
Едва-едва касался я земли...
Но чай простыл, и самовар снесли.

20

В столовую я вышел... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьем!
И я прошел нарочно пред толпой
И тихо скрылся. Чудным обаяньем
Меня влекло за двери. За стеной
Дрожали струны сладостным бряцаньем...
Нет, я не в силах... больше не могу —
На тайный зов я к милой побегу.

21

Серебряная ночь гляделась в дом...
Она без свеч сидела за роялью.
Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какою-то мучительной печалью:
Все вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

22

И, сам не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывал кудрей ее лобзаньем,
И жаждою моя горела грудь;
Хотелось мне порывистым дыханьем
Всю душу звуков сладостных вдохнуть —
И выдохнуть с последним издыханьем!
Дрожали звуки на ее устах,
Дрожали слезы на ее глазах.

23

«Вы знаете,— сказала мне она,—
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Всегда, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было — я верил всей душой,—
И для меня слилась она с луной.

24

Я был вдали, ее я позабыл:
Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил,—
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил —
Я увлечен волшебницей луною.
. . . .
. . . .

<1842>

БАЛЛАДЫ

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

<1847>

СИЛЬФЫ

Ночную фиалку лобзает зефир,
И сладостно цвет задышал,
Я слышу бряцание маленьких лир,
Луну я в росинке узнал.

И светлая капля дрожит теплотой
И мещет сиянье вокруг;
И сильфы собрались веселой толпой
С улыбкой взглянуть на подруг.

И крошка сильфида взяла светляка
  На пальчик. Он вьется как змей.
Как ярко лицо и малютка-рука
  Сияньем покрылись у ней!

Но чу! кто-то робко ударил в тимпан!
  Лучей вам нельзя превозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпан
  В последнюю сладкую ночь.

Но вот уж навстречу грядущему дню
  Готовы цветов алтари,
И сильфы с улыбкой встречают родню
  И светлого друга зари.

<1847>

ВАМПИР

Почти ребенком я была,
  Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
  И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
  Молилась поутру,
Любила слушать, если я
  Певала ввечеру.

Чужой однажды посетил
  Наш тихий уголок:
Он был так нежен и умен,
  Так строен и высок.

Он часто в очи мне глядел
  И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
  И кудри целовал.

И, помню, стало мне вокруг
  При нем все так светло,
И стало мутно в голове
  И на сердце тепло.

Летели дни... промчался год...
    Настал последний час —
Ему шепнула что-то мать,
    И он оставил нас.

И долго-долго мне пришлось
    И плакать, и грустить,
Но я боялася о нем
    Кого-нибудь спросить.

Однажды вижу: милый гость,
    Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
    Я для других незрим».

И с этих пор — он снова мой,
    В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
    Целует при других.

Все говорят, что яркий цвет
    Ланит моих — больной...
Им не узнать, как жарко их
    Целует милый мой!

<1842>

МЕТЕЛЬ

Ночью буря разозлилась,
Крыша снегом опушилась,
И собаки — по щелям.
Липнет глаз от резкой пыли,
И огни уж потушили
Вдоль села по всем дворам.

Лишь в избушке за дорогой
Одинокий и убогой
Огонек в окне горит.
В той избушке только двое.
Кто их знает — что такое
Брат с сестрою говорит:

«Помнишь то, что, умирая,
Говорили нам родная
И родимый? — отвечай!
Вот теперь — что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
По́век девкою, качай!

И когда же вражья сила
Вас свела? — Ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз!..
Иль ответить не умеешь?
Что молчишь и что бледнеешь?
Право, девка, не до слез!»

— «Братец милый, ради бога,
Не гляди в глаза мне строго:
Я в ночи тебя боюсь».
— «Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь — не беспокойся,
С ним по-свойски разочтусь!»

Ветер пуще разыгрался;
Кто-то в избу постучался.
«Кто там?» — брат в окно спросил.
— «Я прохожий — и от снега
До утра ищу ночлега»,—
Чей-то голос говорил.

— «Что ж ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нет меня — так нет и лени!
Побеги проворней в сени
Да прохожего впусти».

Чрез порог ступил прохожий;
Помолясь на образ божий,
Поклонился брату он;
А сестре как поклонился
Да взглянул,— остановился,
Точно громом поражен.

Все молчат. Сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Все молчит,— лучина с треском
Лишь горит багровым блеском,
Да по кровле ветр шумит.

<1847>

ДОЗОР

Из беседки садовой воевода багровый
В замок вбег,— еле дух переводит;
Дернул занавес,— что же? глядь на женино ложе —
Задрожал,— никого не находит.

Он поник головою, и дрожащей рукою
Сивый ус покрутил он угрюмо;
Взором ложе окинул, рукава в тыл закинул,
И позвал казака он Наума.

«Гей, ты, хамово племя! Отчего в это время
У ворот нет ни пса, нет ни дворни?
Снимешь сумку барсучью да винтовку гайдучью
Да подай карабин мой проворней».

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Где беседка стоит садова́я.
На скамейке из дерна что-то бело и черно:
То сидела жена молодая.

Белой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою от колен пред собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тот, к ногам преклоненный, говорит ей, смущенный:
«Так конец и любви, и надежде!
Так за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатил воевода уж прежде!

Сколько лет я вздыхаю, той же страстью сгораю,—
И удел мой страдать бесконечно!
Не любил, не страдал он, лишь казной побряцал он,—
И ты все ему предала вечно.

Он — что ночь — властелином, на пуху лебедином
Старый лоб к этим персям склоняет
И с ланит воспаленных и с кудрей благовонных
Мне запретную сладость впивает.

Я ж, коня оседлавши, чуть луну обождавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтоб встречаться стенаньем и прощаться желаньем
Доброй ночи и долгого счастья».

Не пленивши ей слуха, он уж шепчет на ухо,
Знать, иные мольбы и заклятья,
Что она без движенья и полна упоенья
Пала к милому тихо в объятья.

С казаком воевода взводят разом два взвода
И патроны из сумки достали,
И скусили зубами, и в стволы шомполами
Порох с пулями плотно дослали.

«Пан,— казак замечает,— бес какой-то мешает:
Не бывать в этом выстреле толку.
Я, курок нажимавши, сыпал мимо, дрожавши,
И слеза покатилась на полку».

«Тише! выдумал вякать. Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмелься!
Всыпь на полку, да живо сдерни ногтем огниво
И той женщине в лоб ты прицелься.

Выше, вправо, до разу, моего жди приказу!
Молодца-то сперва на свободе».
Но казак не дождался, громко выстрел раздался
И прямехонько в лоб — воеводе.

<1846>

ГЕРО И ЛЕАНДР

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующих родник.

Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море — чья победа?
Иль в зыбях, вторая Леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?

Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.

Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.

Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
Он свиданьем дорожит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующий родник.

<1847>

ВОРОТ

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса,—
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.

Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».

— «Отчего же, няня, надо?»
— «Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.

Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.

Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт — и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;

А закрыта душка, спрячет
Душку ворот — мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.

Над тобой господня сила!
Дай я ворот распущу.
Уж подушку я крестила —
И тебя перекрещу».

<1847>

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
  Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
  Следуют толпой.

Странен лик его суровый,
  Все кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
  Часто говорит.

«Разгуляйся в поле»,— сыну
  Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
  Старый взор проник.

С золотыми стременами
  Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
  Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
  Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
  Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
  В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
  Втайне отлюбил.

Полюбить успев вериги
  Молодой тоски,
Переписывает книги,
  Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
  С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
  Находил покой.

Едет он в раздумье шагом
  На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
  Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
  Старец находил,
И к пустынному жилищу
  Князь поворотил.

Годы страсти, годы спора
  Пронеслися вдруг,

И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился
И махнул рукой.

<1843>

СОНЕТЫ

◆ ◆ ◆

О, для тебя я сделаюсь поэтом!
Готов писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами
И рифмы в ряд нанизывать сонетом.

Да что же мне? — какая польза в этом?
Я не решусь быть низким перед вами;
Я не решуся черными словами
Вас выставить, запачкать перед светом.

Но если вы, поняв мои намеки,
Со страху раз помолитесь невольно,
И на́долго запомните уроки,

В которых то-то и смешно, что больно:
Поверьте мне, и этого довольно,
И одою сменю я эти строки.

<1847>

◆ ◆ ◆

Смотреть на вас и странно мне и больно:
Жаль ваших взоров, ножек, ручек, плечек.
Скажите: кто вот этот человечек,
Что подле вас стоит самодовольно?

Во мне вся кровь застынет вдруг невольно,
Когда, при блеске двух венчальных свечек,
Он вам подаст одно из двух колечек;
Тогда в слезах молитесь богомольно.

Но я на вас глядеть тогда не стану,
А то, быть может, сердце содрогнется.
К чему тревожить старую в нем рану?

А то из ней, быть может, яд польется.
Мне только легкой поступи и стану,
Да скрытости дивиться остается.

<1847>

◆ ◆ ◆

Рассказывал я много глупых снов,
На мой рассказ так грустно улыбались;
Многозначительно при звуке странных слов
Ее глаза в глаза мои вперялись.

И время шло — я сердцем был готов
Поверить счастью. Скоро мы расстались
И я постиг у дальних берегов,
В чем наши чувства некогда встречались.

Так слышит узник бледный, присмирев,
Родной реки излучистый припев,
Пропетый вовсе чуждыми устами:

Он звука не проронит, хоть не ждет
Спасения,— но глубоко вздохнет,
Блеснув во мгле ожившими очами.

<1844>

◆ ◆ ◆

Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Все спит кругом,— душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она —
С другим ли избранным, одна, или со мною.

О нет! Прости наитие недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.

Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог в полночный час разлуки
Я пред тобой лампаду возжигать.

<1842>

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
Моей душе приятен глас надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной —

О, как душа стихает вся до дна!
Как много ты с святого полотна
Ты шлешь, мой бог, с пречистою Мадонной!

<1842>

МОСКВА

(Из Кернера)

Как высоки церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои граждáне руку подымают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!

О, пусть тебя поносит исступленье!
Ломитесь башни, рухайтесь палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,

Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял святый Георгий!
<1843>

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира
Дал счастье, дал радость всей твари
Цветущих долин Кашемира.

И рáвны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
Исполнены чудные звенья.

Такая дрожащая бездна
В дыханьи полудня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи.

Но там же в саду мирозданья,
Где радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
Кустарник и серая птичка.

Листов, окаймленных пилáми,
Побегов, вращающих спицы,
Минуют летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.

Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга,— но счастья
Ни в утренний час, ни в вечерний.

И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,
Никто не увидит их горя.

Однажды сияющий ангел,
Купаяся в безднах эфира,
Узрел и кустарник, и птичку
В долине ночной Кашемира.

И нежному ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
На них уронил он невольно.

И к утру свершилося чудо:
Краснея и млея сквозь слезы,
Склонилася к ветке упругой
Головка душистая розы.

И к ночи с безгласною птичкой
Еще перемена чудесней:
И листья и звезды трепещут
Ее упоительной песней.

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник;
Чужды ваши мне цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой роза, дева-роза,
Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь — мать моя родная,
Незаметно расцвела я
  На заре весны;

Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слезы,
  Заревые сны.

Он

Ты так нежна, как утренние розы,
Едва раскрыв малиновый шипок;
Ты так светла, что поневоле слезы
Туманят мне внимательный зрачок;
Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой;
Ты так свята, что ангелы святые
Зовут тебя их смертною сестрой.

Она

Мой друг, мой брат, мой милый,
  мой любовник!
На милую внимательней взгляни:
За розу ты не принял ли шиповник,
Смиренное подобие родни?
И если есть во мне благоуханье,
Оно лишь тем коснется до тебя,
Что скромное, безвестное созданье,
Стремясь к тебе, так предало себя.

Он

Ты роза долины, я ночи певец,
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе;
Росою на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все звуки, все блестки, как рой
Горят у небесного свода.
Там ангел лазурный, востока жилец,
Их огненной метит рукою.
Ты роза долины, я ночи певец:
Мы вечные братья с тобою.

Она

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету — когда ты спишь;

Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.
Но и радость и мученья
Мудро нам судьба дала:
Ты не пел бы без стремленья,
Я б без страсти не цвела.

Он

На востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей;
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.
На востоке есть у бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога —
Полетим с тобой туда.
Ни фазанов позлащенных,
Ни павлинов не сомнем,
Ни плодов мы запрещенных
Тихомолком не сорвем:
Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеек...
Сердцу станет сладко, больно —
Полетим же на восток.

Она

Мой милый, где сердце — там грезы,
Где вера — там царство весны;
Где очи — там жаркие слезы,
Где думы — там чудные сны...
Во сне мое спящее око
Небесный измерило круг,
От запада вплоть до востока,
Узрело и север, и юг...
Ни дна; только, в бездне рождаясь,
Горят и сверкают ключи,
И, силою вечной вращаясь,
Дрожат золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
К одной отдаленной звезде;
А я все молилась, молилась,
Чтоб ты был мне верен везде.

Он

Дева-роза, доброй ночи!
Звезды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;
Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!

Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснешь ты; я знаю,
Что всю ночь будешь петь ты опять.

Закрывается милое око,
Голова у меня на груди.
Ветер, ветер мой, ветер востока,
Не тревожь его сна, не буди.

Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вежды закрыл ему сон,
И кудрями его не играю:
Все боюсь, не проснулся бы он.

Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;
Я устами коснуся ланиты,
И мой милый проснется опять.

Просыпайся ж; заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева-роза тихонько вздыхает,
Отпуская тебя до утра.

Он

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор...
Эхо ждет завторить пенью...
Спал до этих пор!

Веет ветер над дубровой,
Пышный лист шумит,
У меня в тени кленовой
Дева-роза спит.

Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предузнаю
И звездам, что ей приснится,
Громко пропою.

Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
Ветерок колышет
Сонную меня.

Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу,— а проснуться
Не могу никак.

Заревые слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою!

И во сне только любит и любит,
И от счастия плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.

Эти песни земле рассказали
Все, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали
Ей в румяное сердце оне.

И в ночи под землею коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
А у розы росой умиленья
Бриллиантами слезы текут.

Отчего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца!

<1847>

ЭЛЕГИИ

◆ ◆ ◆

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<1844>

◆ ◆ ◆

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По восторгающей гармонии речей
С серебряным и вечным эхом...

<1844>

◆ ◆ ◆

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу на небе корону ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь.
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное,— и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь,— и мне
Ты руку подаешь, сказавши: «до свиданья!»
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

<1847>

◆ ◆ ◆

Помедли... люди спят; медлительной царицей
Луна двурогая обходит небеса;
Все медлит разойтись с серебряной зарницей —
И ветр, и облака, и горы, и леса.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет и убежит в объятия валов.

Там вечный шум, там нет неясного сознанья
Какой-то святости звездолюбивых дум
И тихой радости немого созерцанья.
Я не пойду туда: там моря вечный шум.

<1847>

◆ ◆ ◆

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом.
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые — сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов, птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие — не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай бог нам вечно любить!

<1847>

◆ ◆ ◆

Виноват ли я, что долго месяц
Простоял вчера над рощей темной,
Что под ним река дрожала долго
Там, где крылья пучил белый лебедь.
Ведь не я зажег огни рыбачьи
Над водой, у самых лодок черных.

Виноват ли я, что до рассвета
Перепелок голос раздавался?
Но ты спишь... О, подними ресницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама ведь любишь ночи: ночью
Это было — я спешил в Риальто.
Быстро весла ударяли в воду,
Гондольер мой пел; но эта песня
Пронеслась, как многое проходит,
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
В пене волн на раковине ясной.
Как же глупы, просты эти греки:
Перед ними ты была в гондоле».
Знаешь ли, я сам, когда ты дремлешь,
Опустя недвижные ресницы,
И твоих волос густые кудри
Недвижимы, руки, выше локтя
Обнажась, на складках полотняных
Так лежат, как будто с мыслью тайной
Раскидал их <боговидец> Фидий,—
И гляжу я долго и не знаю,
На твоем блестящем светом лике
Рождена ль улыбка красотою
Иль красу улыбка породила.
Знаешь ли... Но, опустя ресницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!

<1847>

◆ ◆ ◆

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно — и знаю с той поры,
Где жертву новую ты ищешь для игры.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны!

Смотри, как счастлив он, как волен... он — ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула уж брегов, ухающих соблазном.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован,— ты поешь, ты блещешь красотою,
И пенишь темный понт зубчатой чешуею.

Июль 1847

◆ ◆ ◆

Ее не знает свет,— она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок
И так подвижен склон ее округлых плеч,
Что дней недальних грез у ней не устеречь.
Дохнет тепло любви,— младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют.
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

<1847>

◆ ◆ ◆

Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу!.. Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в иней свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу!.. Там нежная и трепетная та
Несет на поцелуй дрожащие уста,

Чье имя, близ меня помянуто без цели,
Не даст мне до зари забыться на постели;
Чей шорох медленный уж издали меня
Кидает в полымя мгновенно из огня,
И чей глубокий взор, блистающий вниманьем,
Исполнил жизнь мою безумством и страданьем.

<1847>

* * *

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
  Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
  Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
  Ты доставать виноград высунешь руку на двор,—
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
  Скажут: она у него в комнате тайно была.

<1847>

* * *

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

<1847>

САКОНТАЛА

1

Саконтала, из всех цариц, украшавших индийский
Трон, народу любезная, милая сердцу супруга
Мудрого государя Викрамы, встречала однажды
Праздничный день своего рожденья общим весельем.
Радость кругом разлилась по чертогам и хижинам царства;
Только живей и нежнее ее раздавалися звуки
В сердце каждого. Лик царицы был тих и прекрасен,
Око ее сияло любезно и кротко, как солнце
В час вечерний, когда, садясь за дальние горы,
Ро́су шлет и прохладу оно, долины и выси
Влагою с высоты окропляя отрадной. Таков был
Лик Саконталы. Затем-то, с детским смирением в сердце,
Жители Индии взор к своей несравненной царице,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разного рода дары — растенья лучшие царства,
Благоуханный елей, злато и камни цветные;
Благословения ей другие молили у Брамы.
Вот в средину ликующих, тесной толпой стоящих
Около царских ворот, брамин выходит; корзинку
Нес он в руках, из лоз плетенную; край у корзинки
Мохом простым был покрыт. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя́ в переходах, друг друга спрашивать стали:
«Знать, брамин поприблизиться хочет сиянью престола
С лозниковой корзинкою, полною мохом кудрявым?»
Но брамин подошел свободно, поставил корзинку
Саконтале к ногам и сказал: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства: вот эти
Лозы корзинки и этот мох и цветы полевые —
Дети долины на самой далекой границе обширной
Нашей земли, где стопы твои блуждали в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась».
Так брамин говорил, и у ног Саконталы стояла
С мохом корзинка. Тогда царица взор обратила
На корзинку, на мох и цветы, что лежали в корзинке,

И с престола она улыбнулась приветливо, нежно
Скромным цветам долины давно миновавшего детства.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
И казалася роскошь полей для него превосходней:
Он не мог позабыть улыбки лица Саконталы.

2

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индии, день своего рожденья встречала молитвой
Тихою к Браме;.война ужасная все государство
Опустошила, и царь индийский, супруг Саконталы,
Был вдали от нее средь ужасов битвы кровавой;
Но еще более то умножало горесть царицы,
Что большая часть преданных в битве погибли и много
Было таких, что забыли царскую милость, с какою
Почестями он их осыпал, и вдруг показали
Неблагодарность и трусость сердец изменой в годину
Бедствия. Вот почему Саконтала в тиши проливала
Слезы, и день рождения был ей дню смерти подобен.
В это время вошла одна из женщин служащих
Тихо к печальной царице и ей сказала: «Опять здесь
Тот брамин, что к тебе приходил с цветами долины».
Но Саконтала вздохнула и ей отвечала: «Как могут
Быть отрадны цветы моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньем моей побледневшей ланите?
Все же,— сказала потом царица добрая,— старца
Ты введи, чтобы я из его приношенья сознала,
Как верна мне в печали любовь незлобливых сердцем».
Старый брамин вошел и сказал, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица
нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердец не лишило
Жителей той долины, где ты блуждала в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась.
Шаткого счастья измена любви и верности узы
Не разрешает; напротив, она их прочнее связует.
Только цветов я тебе не принес: в нашей долине
Стоптаны все; но они расцветут еще лучше,
коль Брама
После бурь ниспошлет весны благодатной дыханье.
Я принес тебе дар драгоценнейший нашей долины —
Камень, которому в Индии равного нет красотою».
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;

Он же, речь продолжая, сказал: «Тебе приносил я
В дар цветы, когда на юном челе твоем радость
Расцветала, ничем не смущенная; но испытанье
Брама наслал на тебя; я вижу, что горе ланиты
Бледностию твои овеяло; знал я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасных душ слезы — небесная влага,
От которой они вполне расцветают. Так Брама
Освящает своих любимцев. Вот почему я
Ныне к тебе подхожу с благороднейшим
даром природы».
Так брамин говорил и, полный почтенья, поставил
Черного дерева ящик к ногам Саконталы. Чудесно
Светлый камень играл, отовсюду охваченный черным.
Тут склонила царица чело и взглянула на ящик
И на камень, своими лучами его наполнявший,
И с ланит у нее покатились прозрачные слезы.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
Медленно шел он, и грустью отрадною полон был
старец.
Все, казалось ему, он видит слезу Саконталы.

3

Грустен скитался брамин в своей одинокой пустыне;
Помнил царицы-страдалицы тяжкое он испытанье.
Вдруг опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель с своей толпой необузданных полчищ
Встал на западе, с тем, чтоб земли
восточных пределов
Опустошить. И того, о чем, наругаясь, задумал,
Он достигнуть успел; но все населенье стонало.
Старец Браму день и ночь умолял за Викраму
Правосудного и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грозным потоком
К самой долине брамина, и бич притеснителя всюду
Жертв настигал. Тогда печальный брамин удалился
В дикие горы и жил между скал, чуждаяся встретить
Лик человеческий. Тяжкою скорбью исполнено было
Сердце старца, и смерти желанной алкал он душою;
Но желанье его не исполнилось.— Много он прожил
Лет в своем одиночестве между скалáми пустыни;

Вдруг кругом раздались вдали веселые звуки
Песен победы и мира под рокот трубы и кимвала.
Тут главою к земле склонился старец в молитве,
Встал, помазал главу и сказал: «Перед смертью я должен
Правых победу и лик царицы кроткой увидеть».
Тут наполнил брамин опять корзину цветами
Самыми лучшими в целой долине и сверху прикрыл их
Пальмы и ма́слины тучной младыми побегами; тут же
Ветвь положил благовонную нежно лепечущей мирты.

Скоро потом он к престольному граду лицом обратился
И в молчаньи пошел чрез толпы торжествующих граждан.
Радостью лик засиял у старца, когда в ворота́х он
Был дворцовых. Отверзши уста, слуга́м он придворным
Стал говорить: «Ведите меня к царице, чтоб мог я
Жертву свою ей принесть. Семь лет как не видел я мира».
Слыша речи такие, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Брамин же спросил их: «Чего вы
Плачете, и отчего изменилися так ваши лица?»
Слуги на это ему отвечали: «Иль ты не житель
Здешнего мира, когда один ты не знаешь, что сталось?»
И на могилу царицы они повели его: «Видишь,—
Так говорили они,— в ней сердце не вынесло горя».
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тут у старца лик просиял и затеплилось око,
Будто у юноши; к небу он поднял чело и воскликнул:
«Разве не вижу я Брамы жилища, не вижу сиянья
Вечного моря лучей, его окружающих блеском!
И Саконтала пред ним на облаке раннего утра
Смотрит на нас. Примиренной отчизны чистейшая жертва,
Жрицею ныне она сияет небесного мира.
Видишь ли ты, просветленная? Я, как и прежде бывало,
Здесь пред тобою стою с моими зелеными цветами».
Тут умолкнул старец, склонясь на цветы и могилу.
Тихим повеяло ветром, и Брама приял его душу.

<1847>

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

◆ ◆ ◆

Я люблю его жарко: он тигром в бою
　Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нем отраду, награду мою
　И потомка великих отцов.

Кто бы ни был ты — странник простой
　　　　　　　　　　иль купец,—
　Ни овцы, ни верблюда не тронь!
От кобыл Мугаммеда его жеребец,
　Что небесный огонь этот конь.

Только мирный пришлец нагибайся в шатер
　И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор;
　Он бадья при колодце пустынь.

Будто месяц над кедром, белеет чалма
　У него средь далеких степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
　Не любила пророка сильней.

<1847>

ИЗ СААДИ

Обремененный славой мира,
Сравняйся с смоквою полей!
Она тем ниже гнется долу,
Чем смокв обильнее на ней.

<1847>

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Мой пучок блестит росой,
Как алмазами калиф мой;

Я давно хочу с тобой
Говорить пахучей рифмой,

Каждый цвет уже намек,—
Ты поймешь мои признанья;
Может быть, что весь пучок
Нам откроет путь свидаиья.

<1847>

◆ ◆ ◆

Не дивись, что я чериа,
Опалениая лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимиий дождь ие хлещет боле;
На горах опять стада,
И оратай вышел в поле.

Розой гор меия зови;
Ты красой моей ужалеи
И цвету я для любви,
Для твоих опочивалеи.

Целый мир пахиул весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильиул к твоей десной,
Ты меия обнимешь левой.

Я пройду к тебе в иочи
Незаметиыми путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

<1847>

К ОФЕЛИИ

◆ ◆ ◆

Как идет к вам чепчик новый,
Как идет большая шаль!
Поздравляю вас с обновой,
А мне все-таки вас жаль.

Как идет к вам эта бледность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бедность,
Мне вас жаль, да, мне вас жаль.

<1847>

◆ ◆ ◆

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг,

То вдруг опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдруг,
А все улыбаешься ясно,
Как гений, как ангел, как друг.

<1842>

◆ ◆ ◆

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей:
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,

То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.

И сладко дремать мне — и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?

<1842>

◆ ◆ ◆

Как майский голубоокий
Зефир — ты, мой друг, хороша,
Моя ж — что эолова арфа,
Чутка и послушна душа!

И струн у той арфы немного,
Но вечно под чувством живым
Найдет она новые звуки
За новым дыханьем твоим.

<1842>

◆ ◆ ◆

Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в оке нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.

Душе раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

<1847>

◆ ◆ ◆

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

<1846>

◆ ◆ ◆

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

<1843>

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит,—
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полнóчь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;

Нет,— ставши в тесный круг, красавицы
шептали...
«Эллада» — слышалось мне часто в тишине.

<1840>

◆ ◆ ◆

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом золотистым,
Протяжною песнью
Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.
Чу! Слышу, вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! Слышу, слышу,—
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!
Послушай, что́ ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданьях

Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы — и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

<1840>

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто бы власы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

<1843>

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело,—
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Зефир вечеровой между листов проник,—
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал,— она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные! Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

<1847>

* * *

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил
Быстрых коней, Фаэтонову гибель, за розовой Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озирался, и тотчас
Бойкие взоры его устремились на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной в воде, половиной
В утреннем воздухе темной смолою чернела — и тут же,
Влево, раскинуты были обломки еловые весел,
Кожаный щит и шелом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись волны тумана седого,
Он увидал на траве, под зеленым навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями),—
Юношу он на траве увидал: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы на темной
Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались;
Весь был разодран хитон, округленные бедра белели,
Будто бы мрамор, приявший изгибы от рук Праксителя,
Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву.
<1847>

КУСОК МРАМОРА

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый
мрамор;
Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:
Что одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,
Змей примирителя жезл, крылья и стан быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?
<1847>

* * *

С корзиной, полною цветов, на голове
Из сумрака аллей она на свет ступила,—
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;

Но и под тенью увидишь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки —
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.

<1847>

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

Прекрасная звезда Венеры светлоокой!
Пока свое чело за рощею далекой
Диана нежная скрывает, освети
Кустарник тот и холм для моего пути.
Я оставляю кров не для ночных хищений,
На путников в душе не крою покушений.
Нет, я люблю и жду возмездия забот
От нимфы молодой, красы между красот,—
Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
Краса ночных небес, горит твой луч любимый.

<1847>

НЕПТУНУ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди,— ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху, и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нет мгновенья покою;

Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!
Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? — Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

<1847>

ВОДОПАД

Там, как сраженный
Титан, простерся
Между скалами
Обросший мохом
Седой гранит
И запер пропасть;
Но с дикой страстью
Стремится в бездну
Через препоны
Поток гремучий
И мечет жемчуг
Шипучей пены
На черный брег.

Смотри, как быстро
Несется ветка
К кипучей бездне,
Как струйка сильно
Ее кидает
С прозрачной мели
На острый камень.—

Мелькнула! — Полно!
Из черной бездны
Возврата нет.

Слежу глазами
За быстрым током.
Как присмирел он
Там, в отдаленьи;
Как будто небо
В нем хочет видеть
Свою красу.

Смотри: та ветка,
Что там исчезла
В пучине лютой,
Плывет так тихо,
Так безмятежно
По вечной влаге.

<1840>

АРХИЛОХ

Здесь Архилох опочил; его в беспощадные ямбы
Ринула Муза — певцу Ионии сладостный друг.

<1847>

ИЗ КАТУЛЛА

Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!
За толки старцев угрюмых мы с тобой —
За все их не дадим одной монеты медной.
Пускай светает день и меркнет тенью бледной:
Для нас, когда заря зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон —
Сто раз целуй тогда, и тысячу, и снова
До новой тысячи — и вновь до ста другого,
Опять до новых сот, до тысячи опять.
Когда же много нам придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

<1847>

К ЮНОШЕ

Друзья, как он хорош за чашею вина,
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнев —
Все обещает в нем любимца зорких дев.

<1847>

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Фиял кипит янтарной Ипокреной,
Душа горит и силится во мне
Залить в груди огонь жумчужной пеной.
Но чтó забыть? чтó вспомнить при вине?

Красавица с коварною душою!
Ты, божеством забытый пышный храм!
И вы, друзья с притворною слезою!
И вы, враги с презренной клеветою!
Забвенье вам!

И вы, мечты, которыми прельщался,
И ты, судьба, противница мечтам,—
Довольно я страдал и заблуждался,
Надеялся, слезами обливался...
Забвенье вам!

Ты, девы грудь, вы, кудри золотые,
Ты, Грации художественный рост,
Вы, ямочки и щечки огневые,
Ты, тень ресниц, вы, глазки голубые,—
Вам первый тост!

И вы, друзья святого вдохновенья
С мечтательной и нежною душой,
Вы, полные к прекрасному стремленья,
С тоской души, с улыбкой умиленья —
Вам тост второй!

И вы, друзья с зелеными венками
И с хохотом в досужный Вакха час,
Похмелья гений носится над вами!
Поднимем кубки дружными руками...
Я пью за вас!

Фиял кипит янтарной Ипокреной,
И что души тревожило покой —
Все умерло в груди воспламененной,
Все милое — воскресло предо мной!

<1840>

◆ ◆ ◆

Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Наш пир вечеровой вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И яства сочные с их паром благовонным,
Отрадно лакомым — гулякам утонченным,
И — отчих кладовых старинное добро —
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветер заревой по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И, ученица муз, Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной;
Я наливал вчера рукою беспощадной,—
Но вспоминал тебя, и, знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.

<1847>

◆ ◆ ◆

В златом сиянии лампады полусонной
И отворя окно в мой садик благовонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:

Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...
Дивился молча я волшебной красоте,
А месяц медленно катился в высоте.

<1843>

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает
Как лебедь молодой; луна среди небес
Скользит и двойника на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Лишь карпия порой плеснет у тростников,
Оставя резвый круг сребра на влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают,—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильник водяной русалки колыхают.

<1847>

ИЗ АНАКРЕОНА

Сядь, Вафилл, в тени отрадной,
Здесь, под деревом красивым;
Посмотри: до тонкой ветки
Каждый нежный лист трепещет;
Мимо с сладостным журчаньем
Пробирается источник;
Кто такое ложе лени,
Увидавши, проминует?

<1847>

* * *

Многим богам в тишине я фимиам воскуряю,
В помощь нередко с мольбой многих героев зову;
Жертвую музам, дриадам, нимфам речистым и даже
Глупому фавну весной первенца стад берегу.

Песня же первая — Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Дионисий в венке, грозный владыка ума,
Всех доступней моим мольбам и моим возлияньям:
Ты за утраты мои полной мне чашей воздай...
Где недоступная дева, моих помышлений царица?
В мраморах Фидий своих равной не зрел никогда,
Я же сходного с ней не знал созданья,— и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждал я, безумный, забыться в дыму и в чаду приношений;
Новый Калхас, уже меч дерзкой рукой заносил;
Мать-природа вотще взывала, как мать Клитемнестра,—
Миг еще, миг — и тебе все бы принес я, Лией.
Мне уже чудился плеск волн забвения в барку,—
Только заступница дев деву чудесно спасла.
Дивно светла, предо мной Ифигения к небу восходит,
Я же коленом тугим в бок упираю козла.

<1847>

К КРАСАВЦУ

Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да! он мой — его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты, полон прелести, в их памяти живешь,
И гребню в их руках искусство придаешь;
Не для тебя ль они, с улыбкою Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.

<1841>

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Эти думы, эти грезы —
Безначальное кольцо.
И текут ручьями слезы
На горячее лицо.

Сердце хочет, сердце просит,
Слезы льются в два ручья;
Далеко меня уносит,
А куда — не знаю я.

Не могу унять стремленье,
Я не в силах не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

<1847>

ХАНДРА

1

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все как будто мало.
Хоть читал бы,— только чтенье
Подвигается так вяло;

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо;

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Все такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу! понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

Но болезненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,

Или — кто их знает? где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле.

<1847>

2

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне;
Без тебя темно и дико
    В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
    И опять хандра...

У соседа ненароком
Я сказал ей слова три
О прекрасном, о высоком —
    Скука хоть умри!

Неотвязчивая вьюга
Разыгралася в трубе...
От двоякого недуга
    Так не по себе.

Не ворчи же, кот-мурлыка,
В неподвижном полусне;
Без тебя темно и дико
    В нашей стороне.

<1847>

3

Друг мой! я сегодня болен,—
Знать, поветрие такое...
Право, я в себе не волен,
Не найдусь никак в покое...

Не ошибся я в надежде:
Ты умна и молчалива,
Ты все та же, что и прежде,—
И добра и горделива.

На дворе у нас ненастье,
На дворе гулять опасно.
Дай мне руку, дай на счастье...
У тебя тепло и ясно.

Ах, давно ли у тебя я —
Так беспечно, так лениво,—
Все на свете забывая,
Был покорен молчаливо.

А теперь — зачем в углу том,
За широкою гардиной,
Вон, вон тот, что смотрит плутом,
С черной мордою козлиной?

Не могу не ненавидеть
Этих глаз в досадной роже!
Право,— скучно, грустно видеть
Каждый день одно и то же.

Понимаю эти ласки,
Взор печали беспредельной...
Нет ли, друг мой, нет ли сказки,
Нет ли песни колыбельной?

Чтобы песнию смягчалось
То, что в сказке растревожит;
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не может.

<1847>

◆ ◆ ◆

На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой;
От незримых уст зефира
Влага блещет чешуей.

Все уснуло... лишь мгновенный
Меркнет луч во тьме окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена,

Да звезда с высот эфира
Раскатилася дугой...
На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой.

<1844>

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

Всплески волн сверкают ярко,
Ударяя о гранит,
Дремлет лев святого Марка
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады,
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.

<1847>

◆ ◆ ◆

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на душу навей.

<1847>

ВЕСНА

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу мощно просятся
Блистательные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ — чему-то рад.

Дитя тысячеглавое,
Не знает он, что в нем
Приветно-величавое
Зажглось святым огнем;

Что жизни тайной жаждою
Невольно жизнь полна;
Что над душою каждою
Проносится весна.

<1844>

ПОСВЯЩЕНИЕ К «ФАУСТУ»

(Г-ву)

Вы вновь ко мне, воздушные виденья!
Давно знаком печальный с вами взор!
Иль сердце к вам полно опять стремленья,
Иль грудь хранит безумие с тех пор?
Вы принеслись! Я полон умиленья;
В туманной мгле приветствую ваш хор!
Трепещет грудь младенческими снами
От волшебства, навеянного вами.
Вы обновили светлых лет картину,
И много милых ожило теней.
Подобно саге, смолкшей вполовину,
Звучат любовь и дружба прежних дней.

И больно мне,— давнишнюю кручину
Несет мне жизнь со всех своих путей,
И кличет тех, которых в миг участья
И унесло и обмануло счастье.
Им не слыхать последующих песен —
Всем тем, кому я первые певал.
Кружок приветный избранных стал тесен
И отголосок первый отзвучал.
Кому пою, тот круг мне не известен,
Его привет мне сердце запугал;
А те, чей слух мою и любит лиру,—
Хотя в живых, рассеяны по миру.
И вновь во мне отвычное стремленье
В тот кроткий мир, к задумчивым духам,
Неясное подъемлю песнопенье
Подобное эоловым струнам;
Проснулось в строгом сердце умиленье,
Невольно слезы следуют слезам;
Все, чем владею, кажется мне лживо,
А что прошло — передо мною живо.

<1847>

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Вот снова ночь с своей тоской бессонной
Дрожит при блеске дня.
С улыбкою мой демон искушенный
Взирает на меня.

Он видит все — улыбку, вздох и слезы.
Пусть он их видит — пусть!
Давным-давно бессонницу и грезы
Он знает наизусть.

Пускай весна наряд свой пестрый кажет
И я вокруг гляжу;
Он знает все, что сердце твари скажет,
Что людям я скажу.

Ему смешно, что наперед он знает,
Чем дума занята,
Что ясно так и внятно он читает
По книге живота.

Как мраморный, блестящий и холодный,
Мой прорицатель дня,
С улыбкой злой и гордо-благородной
Он смотрит на меня.

<1847>

К КАРТИНЕ

Не говори, что счастлив я,
Что я хорош собой,
Что бог благословил меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сулит
Мне счастье впереди,
Что крошка-сын наш тихо спит,
Прильнув к родной груди.

Напрасных слов не расточай:
Ненужен мой ответ.
Взгляни в глаза и отвечай:
Чтó — счастлив я иль нет?

Скажи — ты видишь по глазам,—
По сердцу ль мне покой?
Иль, может быть, я жизнь отдам
Померяться с судьбой.

Отдам, что было мне дано
Блаженства и тоски,
За взгляд, улыбку, — за одно
Пожатие руки.

<1847>

КУРГАН

Друг веков, поверенный преданий,
Ты один средь братии своей
Сохранил сокровищ и деяний
Вековую тайну от людей.

Что же дуб с кудрявой головою
Не взращен твой подвиг отмечать
И не светит в сумрак над тобою
Огонек — избранная печать?

Как на всех, орел с неизмеримой
На тебя слетает высоты
И срезает плуг неумолимый
Всех примет последние следы.

Что ж ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дуб!
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зуб!

— Оттого-то, странник беспримерный,
На степи я вечно здесь молчу,
Что навек в груди мой клад заветный
Ото всех я затаить хочу.

<1847>

◆ ◆ ◆

Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.

Дрожь в руках: твои угрозы
Помню я; но дремлешь ты,
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.

<1847>

◆ ◆ ◆

Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный был вечер вчера!
Долго он будет в помине;
Всем,— только нам не пора;
Пламя бледнеет в камине.

Что же,— к чему этот взгляд?
Где ж мой язвительный холод?
Грусти твоей ли я рад?
Знать, я надменен и молод?

Что ж ты вздохнула? Цвести —
Цель вековая созданья;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!

<1847>

ТУЧКА

Тучка-челн, небес волною
    Обданная паром,
Между мною и луною
    Ты плывешь недаром:

От луны — твой свет, что ставит
    Трон полночный богу;
От меня ж возьми, что давит:
    Думу и тревогу.

Спит она — тяжелой битвой
    Дум не возмутима;
Ты ж над ней с моей молитвой
    Пронесися мимо.

<1847>

СВОБОДА И НЕВОЛЯ

Видишь — мы теперь свободны.
Ведь одно свобода с платой:
Мы за каждый миг блаженства
Жизни отдали утратой.

Что ж не вижу я улыбки?
Иль сильней всего привычка?
Или ты теперь из клетки
Поздно пущенная птичка?

Птичка-радость, друг мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь — я отверз объятья:
Полети ко мне в неволю.

<1847>

◆ ◆ ◆

Сядь у моря — жди погоды.
    Отчего ж не ждать?
Будто воды, наши годы
    Станут прибывать.

Поразвеет пыл горячий,
    Проминет беда,
И под камень под лежачий
    Потечет вода.

И отступится кручина,
    Что свекровь стара;
Накидает мне пучина
    Всякого добра.

Будто воды, наши годы
    Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды;
    Отчего ж не ждать?

<1847>

БРЖЕСКИМ

при получении цветов и нот

Откуда вдруг в смиренный угол мой
    Двоякой роскоши избыток,
Прекрасный дар, нежданный и двойной,—
    Цветы и песни дивной свиток?

Мой жадный взор к чертам его приник,
    Внемлю живительному звуку,
И узнаю под бархатом гвоздик
    Благоухающую руку.

<1847>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сердце — незабудка!
Угомон возьми,
Хоть на миг рассудка
Голосу внемли.

Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, господь с тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся к ране:
Станет подживать!
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет, молодая,
Песни запоет:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»

Что ж ты повернулось?
Старой няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою:
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать,—
Колыбелку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.

Перестанешь биться
И навек в раю,
Только будет сниться
Баюшки-баю!

<1843>

* * *

Я знал ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она,
Казалось, вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.

И в те лета какой-то круг влеченья
Был у нее и звал ее ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

Я знал ее красавицей; горели
Ее глаза священной тишиной.
Как светлый день, как ясный звук свирели,
Она неслась над грешною землей.

Я знал его — и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!

Я видел час ее благословенья —
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

<1844>

* * *

Еще весна — как будто не земной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча,— медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.

Полуодевшись, ветви предают
Лазурь небес — туман подернул траву,

А я иду, и рад святому праву
Ходить — иду, и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

А будет время: снова искупить
Весна природу будет торопиться;
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

<1847>

ЛИХОРАДКА

«Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром:
Все как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

— «Ах, родимый, бог с тобою,
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко — знаешь сам».

— «Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

— «Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».

— «Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы —
Лихорадка ли она?»

<1847>

◆ ◆ ◆

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык.

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И, распростерт, заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я, как дитя, заплачу —
И за тобой...

<1847>

◆ ◆ ◆

Дитя, покорное любви,
Моих стихов не назови
Ты самолюбием нескромным.

О нет! мой стих не мог молчать:
На нем легла твоя печать
С раздумьем тягостным и томным.

Не говорю тебе — прости!
Твоя судьба — одной цвести;
Да мимо идет зов мятежный.
Как в жизни раз, и в песни тож
Ты раз мне сердце потревожь —
И уносись прекрасной, нежной!

И завтра светлый образ весь
Исчезнет там, исчезнет здесь,
Про твой удел никто не спросит,—
И запах лилии ночной
Не досягнет луны родной:
Полночный ветр его разносит.

<1847>

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Я вам пророчил поклоненье,
Венец прекрасному челу,
И расточал свое уменье
Воздать вам должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Не больше сделает добра,
Как театральная афишка
О пьесе, сыгранной вчера.

<1847>

◆ ◆ ◆

Под палаткою пунцовой,
Без невольников, один,
С одалиской чернобровой
Расстается властелин.

— Сара, гурия пророка,
Солнце дней, источник сил,
Сара, утро недалеко —
И проснется Азраил.

Где-то завтра после бою
Снова ноги подогну?
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

С новой ночью, с новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цветущей,
Нарумяненной щеки.

Пред тобою на бездельи
Свой кальян не закурю
И в глаза твои газельи,
Полон дум, не посмотрю.

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черных кос по феске алой
Чешуйчатую змею.

<1847>

ЭОЛОВЫ АРФЫ

Он

По листам пронесся шорох,
Каждый миг в блаженстве дорог,
   В песни — каждый звук...
Там, где первое не ясно,
Все, хоть будь оно прекрасно,
   Исчезает вдруг.

Она

О! не только что внимала,—
Я давно предугадала
   Все твои мечты...
Но, настроенная выше,
Я рассказываю тише,
   Что мечтаешь ты.

Он

Я на всякие звуки готов,
Но не сам говорю я струной:

Только формы воздушных перстов
Обливаю звончáтой волной.
Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Оттого-то и ты узнаешь
Все, что здесь совершится со мной.

Она

Если мне повелитель ветров
Звука два перекинет порой,
Но таких, где трепещет любовь,—
Я невольно пою за тобой...
Ах, запой поскорее, запой!
Ты не знаешь, что сталось со мной!
Этот перст так прозрачно хорош,
Под которым любовь ты поешь.

<1847>

◆ ◆ ◆

После раннего ненастья
Чтó за рост и цвет обильный!
Ты даешь мне столько счастья,
Что сносить лишь может сильный.

Ныне чувства стали редки,
Ты же мне милей свободы;
Но боюсь я той беседки,
Где у ног почиют воды.

Сердце чует, что недаром
Нынче счастие такое;
Я в воде горю пожаром,
А в глазах твоих — так вдвое.

<1847>

◆ ◆ ◆

Мудрым нужно слово света,
Дружбе сладок глас участья;
Но влюбленный ждет привета —
Обновительного счастья.

Я ж не знаю: в жизни здешней
Думы ль правы, чувства ль правы?
Отчего так месяц вешний
Жемчугом осыпал травы,

Что они дрожат, как слезы,—
Голубого неба очи?
И зачем в такие грезы
Манит мглу любовник ночи?

Ждет он, что ли? Мне сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу, сердце чаще бьется,
И со мною что? — не знаю!

<1847>

◆ ◆ ◆

Мы с тобой не просим чуда:
Только истинное чудно;
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.

Нынче, завтра — круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.

<1843>

◆ ◆ ◆

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера — пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь,— но только песня зреет.

<1843>

ДАЛЬ

Облаком волнистым
Прах встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

<1843>

МОЯ УНДИНА

Она резва,
Как рыбка;
Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы,
И, что ключи,
Все новы...
Она светлей
Фонтана,
Она скрытней
Тумана;
Немного зла,
Ревнива...
Зато мила
На диво.

<1842>

ПЕРЧАТКА

Перчатку эту
Я подстерег:
Она поэту
Немой залог
Душистой ночи,
Где при свечах
Гляделись очи
В моих очах;
Где вихрь кружений
Качал цветы;
Где легче тени
Носилась ты;
Где я, как школьник
За мотыльком,
Иль как иевольиик,
Нуждой влеком,
Следил твой сладкой,
Душистый круг —
И вот украдкой,
Мой нежный друг,
Перчатку эту
Я подстерег:
Она поэту
Немой залог.

<1842>

◆ ◆ ◆

На заре ты ее не буди,
На заре оиа сладко так спит;
Утро дышит у ией иа груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И старалась понять темноту,
Где свистал и урчал соловей:
То на небе, то в звонком саду;
Билось сердце слышнее у ней.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре — она сладко так спит!

<1842>

◆ ◆ ◆

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфóрные очи,
Да только не греют меня.

<1847>

ДЕРЕВНЯ

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И зá лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою.

<1842>

◆ ◆ ◆

Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.

Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!

<1843>

◆ ◆ ◆

В небесах летают тучи,
На листах сверкают слезы;
До росы шипки грустили,
А теперь смеются розы.

После грома воздух чище
И свежее дышат люди;
Под ресницей орошенной
Как-то легче жаркой груди.

На природе с каждой каплей
Зеленеет вся одежда,
В небе радуга сияет,
Для души горит надежда.

<1843>

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Свистит под пилой.

Отпетое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

<1843>

◆ ◆ ◆

Ночь. Не слышно городского шума,
В небесах звезда — и от нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно в сердце грустное мое.

И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.

Тихо все, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?

Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? — Нет, не объяснишь, —
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь творца благодаришь.

<1843>

ВИДЕНИЕ

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилося диво:
Земле подобает смиренье.

Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывалися в кучи
Под зыбью небес голубою.

И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.

На тучах, высоко,
Все выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы...

<1843>

AVE MARIA *

Ave Maria — лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:

Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица! не в блеске лучей,
В тихом предстань сновиденьи ей!

Ave Maria — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

<1842>

* Привет тебе, Мария *(лат.)*.

◆ ◆ ◆

Опять я затеплю лампаду
И вечную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
С невольно-горячей слезою.

Опять посетит меня радость
Без бури тоски и веселья,
И снова безмолвные стены
Раздвинет уютная келья.

Прочь горе земное; одно лишь
Про землю напомнит мне внятно —
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачные пятна.

<1847>

ИЗ ГЕЙНЕ

◆ ◆ ◆

Красавица-рыбачка,
Причаль свою ладью,
Пойди и сядь со мною,
Дай руку мне свою.

Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне:
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.

С приливом и отливом,
Что море — грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.

<1841>

◆ ◆ ◆

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет — сурово покрытый
И снежным, и льдяным ковром.

Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране,
В безмолвной глубокой печали,
Одна на горячей скале.

<1841>

◆ ◆ ◆

Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полу́ночный хор соловьев.

Дитя! если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

<1841>

◆ ◆ ◆

Хотел я с тобою остаться,
Забыться, моя красота;
Но было нам должно расстаться:
Ты чем-то была занята.

Тебе я сказал, что связала
Нам души незримая связь,
Но ты от души хохотала,
И ты мне присела, смеясь.

Страданья прибавить умела
Ты чувствам влюбленным моим
И даже польстить не хотела
Прощальным лобзаньем твоим.

Не думай, что я застрелюся,
Как мне и ни горек отказ;
Все это, мой друг, признаюся,
Со мною бывало не раз.

<1847>

◆ ◆ ◆

Твои пылают щеки
Румянцем летних роз,
А у тебя на сердце
Рождественский мороз.

Изменится все это —
Увидишь ты сама:
На сердце будет пламя
И на щеках зима.

<1847>

◆ ◆ ◆

По бульварам Саламанки
Воздух благотворной;
Там, в прохладный летний вечер,
Я гуляю с милой донной.

Я рукой нетерпеливой
Обнял стройное созданье
И блаженным пальцем слышу
Гордой груди волнованье.

Но по липкам слышен шепот,
Полный чем-то невеселым,
И ручей в низу плотины
Злобно грезит сном тяжелым.

Ах, сеньора, чует сердце:
Скоро буду я в изгнаньи;
По бульварам Саламанки
Не ходить нам на гуляньи.

<1847>

◆ ◆ ◆

Как цвет, ты чиста и прекрасна,
Нежна, как цветок по весне;
Взгляну на тебя, и тревога
Прокрадется в сердце ко мне.

И кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы бог тебя чистой,
Прекрасной и нежной хранил.

<1843>

◆ ◆ ◆

Ах, опять все те же глазки,
Что так нежно улыбались,
И опять все те же губки,
Что так сладко целовались!

Этот голос, что внимать я
Так любил — не изменился;
Только сам уже не тот я,
Измененным воротился.

Вновь меня объемлют страстно
Эти пламенные руки,
Но лежу у ней на сердце,
Полон холода и скуки.

<1847>

◆ ◆ ◆

Как луна, светя во мраке,
Прорезает пар густой,
Так из темных лет выходит
Светлый образ предо мной.

Все на палубе сидели,
Гордо Рейн судно качал,
Поздний луч младую зелень
Берегов озолочал.

И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел;
Бледный лик ее на солнце
Ярким пламенем горел.

Струны ныли, хоры пели,
Жизнь была так хороша,
Небо тихо голубело,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо нас,
И все это улыбалось
Мне в прекрасной паре глаз.

<1847>

◆ ◆ ◆

Ланитой к ланите моей приложись —
Тогда наши слезы сольются,
И сердцем теснее мне к сердцу прижмись,—
Огнем они общим зажгутся.

И если в тот пламень польются рекой
Те общие слезы мученья,
Я, крепко тебя охвативши рукой,
Умру от тоски наслажденья.

<1842>

◆ ◆ ◆

Дитя! мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют.

Там, светом луны обливаясь,
В саду все краснея цветет,
И лотоса цвет, преклоняясь,
Сестрицу заветную ждет.

Смеясь, незабудкины глазки
На дальние звезды глядят,
И розы душистые сказки
Друг другу в ушко говорят.

Припрянув, внимания полны,
Там смирно газели стоят,
А там, в отдалении, волны
Священного тока шумят.

И там мы под пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснем — и с тобою
Увидим блаженные сны.

<1842>

◆ ◆ ◆

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит,—
И я проснулся, и долго
Катилися слезы с ланит.

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что ты расстаешься со мной,—
И я проснулся, и долго
Катилися слезы рекой.

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что ты меня любишь опять,—
И я проснулся, и долго
Не в силах я слез был унять.

<1847>

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

На горе стоит избушка,
Где живет старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

Посреди избушки кресло;
Пышно резаны края.
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка,
Опершись на локоток.
Глазки — звезды голубые,
Ротик — розовый цветок.

И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчик хитро
К розе уст приподняла.

Нет, никто нас не увидит:
Мать так пристально прядет,
И отец под звуки цитры
Песню старую поет.

И малютка шепчет тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайн немаловажных
От нее разведал я.

«Но как тетушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
В Гослар, где стрельба бывает,
А веселье только там.

Здесь, напротив, так пустынны
Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно
Будто в снег погребены.

Я же робкая такая,
Как ребенку, страшно мне
Знать, что ночью злые духи
Бродят в нашей стороне».

Вдруг малютка приумолкла,
Будто слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звезды глазок голубых.

Пуще ветр шумит сосною,
Прялка воет и ревет,
И под звонкий голос цитры
Песня старая поет:

«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой!»

<1847>

ПОСЕЙДОН

Солнце лучами играло
Над морем, катящим далеко валы;
На рейде блистал в отдаленьи корабль,
Который в отчизну меня поджидал;
Только попутного не было ветра,
И я спокойно сидел на белом песке
Пустынного брега.
Песнь Одиссея читал я — старую,
Вечно юную песнь. Из ее
Морем шумящих страниц предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьем богов,
И светлой весной человека
И небом цветущим Эллады.

Благородное сердце мое с участьем следило
За сыном Лаэрта в путях многотрудных его;
Садилося с ним в печальном раздумье
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут,
Лгать и удачно ему убегать помогало
Из объятия нимф и пещер исполинов,
За ним в киммерийскую ночь, и в ненастье,
И в кораблекрушенье
И с ним несказанное горе терпело.
Вздохнувши, сказал я: «Злой Посейдон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь
Не вернуться в отчизну!»
Едва я окончил,—
Запенилось море,
И бог морской из белеющих волн
Главу, осокою венчанную, поднял,
Сказавши в насмешку:

«Что ты боишься, поэтик?
Я нимало не стану тревожить
Твой бедный кораблик,
Не стану в раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.

Ведь ты, поэтик, меня никогда не сердил:
Ни башенки ты не разрушил у врат
Священного града Приама,
Ни волоса ты не спалил на глазу
Полифема, любезного сына,
И тебе не давала советов ни в чем
Богиня ума — Паллада Афина».

Так воззвал Посейдон
И в море опять погрузился,
И над грубою остротой моряка
Под водой засмеялись
Амфитрита — женщина-рыба,
И глупые дщери Нерея.

<1842>

◆ ◆ ◆

Шепот сердца, уст дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

Бледный блеск и пурпур розы,
Речь не говоря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

<1850>

МЕЛОДИЯ

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они гордой разлуки,
Дрожат небывалой любовью...

Ведь годы ж прошли? И тогда-то
Душа не изведала страсти...

Что ж сердце болезненно сжато
Влияньем неведомой власти?

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
С несбыточной шутит любовью,
И носятся светлые звуки,
И льнут к моему изголовью...

<1853>

◆ ◆ ◆

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит,— песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

<1853>

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848, <1854>

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени...
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет все боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

<1854>

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе,
Вдали огня иль песни и не ждешь,
Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком, до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

<1854>

◆ ◆ ◆

Не спрашивай, над чем задумываюсь я:
Мне сознаваться в том и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится невольно.

Сиянье прелести тогда в свой круг влекло:
Взглянул — и пылкое навстречу сердце рвется!
Так голубь, бурею застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным бьется.

А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной.
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час заветный.

Я помню, отроком я был еще. Пора
Была туманная. Сирень в слезах дрожала;
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.

Не мчались ласточки, звеня, перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби, нахохлившись, рядком,
И в липник прятались умолкнувшие птицы.

А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась, как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте,
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.

Тот плач давно умолк,— кругом и смех и шум;
Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет.
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум
И трепещу — вот-вот зловещий ворон крикнет.

<1854>

◆ ◆ ◆

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

<1854>

МУЗА

Не в сумрачный чертог наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой иль из кости слоновой,
Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный без созвучий.
По воле пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.
О нет! Под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала:

Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна...

<1854>

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает,
О чем, не ведая еще,
И в первый раз благоухает
Ее блестящее плечо.

<1854>

ПОД ЛИПОЙ

Как здесь свежо под липою густою,
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там вдали сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечика неугомонный звон...

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

<1854>

ОСЕНЬ

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали,
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад.
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

<1854>

В САДУ

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,
Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там, в лесу, мне будет грустно.

Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.

И скажут: помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним, как потом, в последний час разлуки.
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.

Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял, и все они увяли.

А вы — вы молоды и пышны до конца.
Я рад... и радости вполне вкусить не смею;
Стою, как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел — и плакать не умею!

<1854>

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи —
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи.

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь».

<1855>

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, лука́ми
Убегает на запад река;
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко —
Вздохи дня есть в дыханьи ночном...
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

<1855>

◆ ◆ ◆

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь...

<1856>

ОДИНОКИЙ ДУБ

Смотри, синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои.
Один лишь ты, старик упорный,
От зноя тенью благотворной
Хранишь межу родной земли.

Вотще веков минувших сила
Твою вершину обнажила:
Ты непреклонен до конца,
И долго, долго будут годы
Рукой суровой непогоды
Рвать зелень пышного венца.

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою...
Так старый витязь, сверстник твой,

Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя, незримым ходом,
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

<1856>

НА ЛОДКЕ

Ты скажешь, брося взор по голубой равнине:
«И небо — и вода».
Здесь остановим челн, на самой середине
Широкого пруда.

Буграми с колеса волненье не клокочет,
Чуть-чуть блестят струи.
Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет
Рыдания любви.

До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья.
Осыпана кругом звездами золотыми,
Покоится ладья.

Гляжу в твое лицо, в сияющие очи,
О добрый гений мой!
Лицо твое как день, ты вся при блеске ночи —
Как призрак неземной.

Теперь, волшебница, иной, могучей власти
У неба не проси.

Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл бездушной страсти
Возьми — и погаси.

<1856>

◆ ◆ ◆

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня;
Только забудусь: опять ты предо мною в саду.
Если очнусь — застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь, и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силясь, шалун, обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадему с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек!
Мне ёще памятен образ Амура и нежной Психеи.
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

<1857>

СОНЕТ

Угрюм и празднен часто я брожу,
Напрасно веру светлую имею;
На славный подвиг силы не лелею,
Для песен сердца слов не нахожу.

Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею;
Вот отчего я дружбой горд твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни! Пусть по воле рока
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою в сон погружена,

Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз — бессмертная проснется
И звучно затрепещет, как струна.

<1857>

СМЕРТИ

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
С улыбкой, полной сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел бога!
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора, пора иная;
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем,
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

⁂

Был чудный майский день в Москве,
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Я под окном сидел, влюблен,
Душой и юн и болен.
Как пчелы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленьи...
Невольно вспомнила душа
Об этом стройном пеньи.

И шел и рос поющий хор,
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

И шел и рос поющий хор,
И черною грядою
Тянулся набожно народ
С открытой головою.

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,
И гробик розовый прошел
За громогласным хором.

Струился теплый ветерок,
Покровы колыхая...
И мне казалось, что душа
Парила молодая...

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки,
Всё тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаясь, мать...
Надгробное рыданье!
И мне казалось, что легко
Безумное страданье...

<1857>

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где, как месяц за рощей, печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря,
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль;
И все выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

<1857>

◆ ◆ ◆

О нет! не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее — безумную любовь.

Без ропота пойду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои потушит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безымянной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может... Вечно вдаль с надеждой смотрят очи!
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

<1857>

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось.

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

<1856>

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега...
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и нов ее убор.

Нет! никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить.
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной и последней, может быть.

<1857>

◆ ◆ ◆

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полунощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

<1857>

НА КОРАБЛЕ

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла.
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее невольно унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856 или 1857

◆ ◆ ◆

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час,
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.

Что-то хотелось сказать на прощанье —
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмиранье?
Что?

Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди,
Скоро повысыплют звезды алмазные,
Жди!

<1858>

◆ ◆ ◆

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки — бред неясный,
Томный звон струны,

Но, полны тоскливой мукн,
Навевают этн звукн
    Ласковые сны.

Звонким роем налетелн,
Налетелн н запели
    В светлой вышнне.
Как ребеиок им вннмаю,
Что́ сказалось в нн́х? не знаю —
    И не нужно мне.

Позднним летом в окиа спальной
Тнхо шепчет лнст печальный,
    Шепчет не слова;
Но под легкнй шум березы
К нзголовью, в царство грезы
    Никнет голова.

<1858>

МУЗЕ

Надолго лн опять мой угол посетнла,
Заставнла еще томнться и любнть?
Кого иа этот раз собою воплотила?
Чьей речью ласковой сумела подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факел вдохиовенный!
Пой, добрая! В тнши признаю голос твой
И стану, трепетный, коленопреклонеиный,
Прнпомннать слова, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волиенье,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,—
И вечио — девствеиным словам твоим виимать!

Пошли, небесиая! ночам моим бессоиным
Еще блажениых слов н славы н любви
И нежным нменем, едва произнесеиным,
Мой труд задумчнвый опять благослови.

<1857>

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, качается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь,
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры, в дыму улетело.

Пусть на зорьке, все ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо,—
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь, разгорится костер,
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

<1859>

ГРЕЗЫ

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грезы погружен,
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого сам не знаю.
Вдруг — колокол — и все уяснено!
И, проснув душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках, вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую: на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И на волне ликующего звука
Умчася в даль, во мраке потонуть.

<1859>

◆ ◆ ◆

Пойду навстречу к ним знакомою тропою.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай!
Далеко выгнулся земли померкший край;
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет; дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо заре иль вдоль дороги серой.
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна. Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья,—
Нет, точно — издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<1859>

◆ ◆ ◆

Кричат перепела, трещат коростели,
    Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
    Звучат порывистые трели.

В напевах вечера тревожною душой
    Ищу былого наслажденья;
Увы! как прежде, в грудь живительной струей
    Они не вносят откровенья.

Но тем мучительней, как близкая беда,
    Меня томит вопрос лукавый:

Ужели подошли к моим устам года
С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки?

Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шепот внятный:
«Чего он ищет здесь, средь жизни молодой,
С своей тоскою непонятной?»

Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора и скоро, может быть,
Мое настанет возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески-едином,
И мира нового, покоен, примирен,
Я стану вечным гражданином.

<1859>

I

◆ ◆ ◆

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница,—
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди, тебе место.

<1882>

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

◆ ◆ ◆

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,

И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что́ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь, куда-то вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

<1864>

◆ ◆ ◆

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуяся и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой — и с ним двойное бытиё
Вручила ты, и я — я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

<1871>

◆ ◆ ◆

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей.—
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

ALTER EGO *

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья,—
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что́ мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

СМЕРТЬ

«Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный.—
Пускай обман! О, дайте мне обман!»

* Второе я (*лат.*).

И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним,— бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка,—
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь — базар крикливый бога,
То только смерть — его бессмертный храм.

1878

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

22 ноября 1876

◆ ◆ ◆

> Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es ein Wesen ist, welches ihn traümt.
>
> *Schopenhauer* *

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный,—
Твой только отблеск, о солнце мира!
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

* Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. *Шопенгауэр* (*нем.*).

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела.
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864 (?)

НИЧТОЖЕСТВО

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоем рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра — и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой
(Не все ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг — и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? — Молчат и чувства и познанье.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты — это ведь я сам. Ты только отрицанье
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданье,
Куда ни обратись,— вопрос, а не ответ.
А я дышу, живу и понял, что в незнанье
Одно прискорбное, но страшного в нем нет.

А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.

1880

◆ ◆ ◆

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознаньем,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем, —

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы:
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства,—
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба.— Руки
С усильем простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные.— Да, это наяву! —
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться? —
Я вижу снег. На склепе двери нет.

Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком. Нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушеньи!
И руки опустились в изумленьи.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Все понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
С чем связано? И в чем его призванье?

Куда идти, где некого обнять,—
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя,
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути.

Январь 1879

◆ ◆ ◆

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась. Кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, все буйство первых дней
С их радостью — все тише, все ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,

Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

МОРЕ

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прянет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

ПОСЛЕ БУРИ

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури,
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется,—
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

1870

◆ ◆ ◆

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан.— Подо мной
Морская бездна бушевала:
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.

И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.

А нынче — как моя душа,
Волна светла,— и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена,
И задрожал весь хор небесный.

1864

МОРЕ И ЗВЕЗДЫ

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалася бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалася звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебною силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилося горе,
Как будто бы звезды тебя победили.

1859

СНЕГА

◆ ◆ ◆

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — все одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

1864 (?)

◆ ◆ ◆

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,

Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,—
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Начало 1862

У ОКНА

К окну приникнув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась — и с тобой
Помчаться по равнине снежной.

Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.

Вдруг ты вошла — я все узнал —
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как все верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!

<1871>

ВЕСНА

◆ ◆ ◆

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна.
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном,—
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свевает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

22 марта 1879

◆ ◆ ◆

Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И все, что движется и дышит,
Задышит новою весной.

Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
Сегодня первый гром порвал.

<1882>

◆ ◆ ◆

Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой,

Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в ее огнях.

О! как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных;
И рад я, что не может быть
Ничто вольней и легче их.

1865 (?)

◆ ◆ ◆

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля,
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени!
К чему мгновенный сей недуг?
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг.

1872

◆ ◆ ◆

Пришла,— и тает все вокруг,
Все жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Все, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Все, что ковало,— миновало.

Нельзя заботы мелочнóй
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

20 мая 1866

◆ ◆ ◆

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она, здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

12 декабря 1879

Отсталых туч над нами пролетает
    Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
    У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
    С звездами на челе.—
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
    На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
    А вон оно — как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой...
    И в вечность улетим!

1870

◆ ◆ ◆

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И все ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

1860 (?)

МЕЛОДИИ

◆ ◆ ◆

Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь,

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

2 августа 1877

◆ ◆ ◆

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь — не
глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.

— Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до яву́ мне прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах! верно, сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.

Начало 1875

◆ ◆ ◆

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.

И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

◆ ◆ ◆

Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей.

<1882>

◆ ◆ ◆

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю.

Конец 60-х годов (?)

◆ ◆ ◆

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой.

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес.

1863

◆ ◆ ◆

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистей, сердце опять суеверней.
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росою вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

◆ ◆ ◆

Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи:
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты призрак не люби.

О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
Тем дальше от меня.

Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подъемлет крик...
Он бросился — и с влаги возмущенной
Исчез сребристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам,
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.

1855

◆ ◆ ◆

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови.

Старые песни, знакомые звуки,
Сон безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой! —

Доброю няней прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
    Яркой зарей расцветет,
Может быть, сердце утихнет больное
И, как дитя в колыбели, уснет.

Конец 1862

◆ ◆ ◆

Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.

И все, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным —
И люди, и звери, и скалы.

Лишь мне, молодая царица!
Ни счастия нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

1862

ROMANZERO

1

Знаю, зачем ты, ребенок больной,
Так неотступно все смотришь за мной,
Знаю, с чего на большие глаза
Из-под ресниц наплывает слеза.

Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабого страх,
Плавает коршун на темных кругах.

Только вот здесь, средь заветных цветов,
Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез.

22 июля 1882

2

Встречу ль яркую в небе зарю,
Ей про тайну мою говорю,
Подойду ли к лесному ключу,
И ему я про тайну шепчу.

А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.

13 июля 1882

3

В страданьи блаженства стою пред тобою,
И смотрит мне в очи душа молодая,
Стою я, овеянный жизнью иною,
Я с речью нездешней, я с вестью из рая.

Слетел этот миг, не земной, не случайный,
Над ним так бессильны житейские грозы,
Но вечной уснет он сердечною тайной,
Как вижу тебя я сквозь яркие слезы.

И в трепете сердце, и трепетны руки,
В восторге склоняюсь пред чуждою властью,
И мукой блаженства исполнены звуки,
В которых сказаться так хочется счастью.

2 августа 1882

4

Вчерашний вечер помню живо:
Синели глубью небеса,
Лист трепетал, красноречиво
Глядели звезды нам в глаза.

Светились зори издалека,
Фонтан сверкал так горячо,
И Млечный Путь бежал широко
И звал: смотри! еще! еще!

Сегодня все вокруг заснуло.
Как дымкой твердь заволокло,
И в полумраке затонуло
Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной,—
Я слышу плеск живой фонтана
И чую звезды над собой.

5 августа 1882

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
И качался,
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
Бледно-красный.
Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасной.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
Мне грозящий,—
Оглянулся — чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
Весь кипящий!

1870

◆ ◆ ◆

Отчего со всеми я любезна,
Только с ним нас разделяет бездна?
Отчего с ним, хоть его бегу я,
Не встречаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свет возненавижу?
Отчего, как с ним должна остаться,
Так и рвусь над ним же издеваться?
Отчего — кто разрешит задачу? —
До зари потом всю ночь проплачу?

<1882>

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

1870 (?)

◆ ◆ ◆

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где все нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.

Для мира путь к нему заглохнет,—
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык.

Скажи же! как, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера — о, как оно далече! —
Живая ты в него вошла?

И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле,
Одной звездой любви светлей.

1867

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Все тучки, тучки, а кругом
Все сожжено, все умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает!

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт!
С небес нисходит жизни влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное — благо.

Я — ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.

1866 (?)

КЛЮЧ

Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлою лентой река,
А на храме над озимью черной
Яркий крест поднялся в облака.

И толпой голосистой и жадной
Все к заре набежит со степей,
Точно весть над волною прохладной
Пронеслась: освежись и испей!

Но в шумящей толпе ни единый
Не присмотрится к кущам дерёв,
И не слышен им зов соловьиный
В реве стад и плесканьи вальков.

Лишь один в час вечерний, заветный
Я к журчащему сладко ключу
По тропинке лесной, незаметной,
Путь обычный во мраке сыщу.

Дорожа соловьиным покоем,
Я ночного певца не спугну
И устами, спаленными зноем,
К освежительной влаге прильну.

1870

◆ ◆ ◆

Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас,
Тем сердцу моему дороже,
Дитя! с тобой крылатый час.

Я лет не чувствую суровых,
Когда в глаза ко мне порой
Из-под ресниц твоих шелковых
Заглянет ангел голубой.

Не в силах ревности мятежность
Я победить и скрыть печаль,—
Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль.

Я знаю, жизнь не даст ответа
Твоим несбыточным мечтам,
И лишь одна душа поэта —
Их вечно празднующий храм.

1861 (?)

СОНЕТ

Когда от хмелю преступленний
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена,—

Мои сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письмена.

В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать;

И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.

<1866>

◆ ◆ ◆

Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч атлас.
Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала;
Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.

А он? С усилием сложил он накрест руки,
Стараясь подавить восторг в груди своей,
И часа позднего пророческие звуки
Смешались с топотом помчавшихся коней.

Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой,
И сильфы резвые и феи молодые
Все «завтра» до зари шептали над тобой.

<1860>

◆ ◆ ◆

Встает мой день, как труженик убогой,
И светит мне без силы и огня,
И я бреду заботой и тревогой.

Мы думой врозь,— тебе не до меня.
Но вот луна прокралася из саду,
И гасит ночь в руке дрожащей дня

Своим дыханьем яркую лампаду.
Таинственным окружена огнем,
Сама идешь ты мне принесть отраду.

Забыто всё, что угнетало днем,
И, полные слезами умиленья,
Мы об руку, блаженные, идем.

И тени нет тяжелого сомненья.

1865 (?)

◆ ◆ ◆

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О! окрыли — и дай мне превозмочь
Весь этот тлен, бездушный и унылый.

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре.
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь! как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865(?)

◆ ◆ ◆

Блеском вечерним овеяны горы.
Сырость и мгла набегают в долину.
С тайной мольбою подъемлю я взоры:
«Скоро ли холод и сумрак покину?»

Вижу на том я уступе румяном,
Сдвинуты кровель уютные гнезды;
Вон засветились под старым каштаном
Милые окна, как верные звезды.

Кто ж меня втайне пугает обманом:
«Сердцем, как прежде, ты чист ли и молод?
Что, если там, в этом мире румяном,
Снова охватит и сумрак и холод?»

<1866>

◆ ◆ ◆

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

<1865>

◆ ◆ ◆

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебных сновидений
И, юностью сияя заревой,
Ждешь от меня похвал и песнопений.

Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным угаснувшим Мемноном,—
На яркие приветствия зари
Он отвечать способен только стоном.

1865

РОЗА

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенели,
Что весна опять пришла.
Гнется в зелени береза,
И тебе, царица роза,
Брачный гимн поет пчела.

Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажила росой.

Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мир любви передо мной.

Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвесть нежнейшей из богинь,
Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, когда весною
Темен лес и воздух синь,—

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья
Больше страстного признанья
Не поведали б земле.

1864 (?)

ТОПОЛЬ

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг,
Последний лист разметан под ногами,
Последний лучезарный день потух.

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недуг
И, трепеща по-прежнему листами,
О вешних днях лепечешь мне как друг.

Пускай мрачней, мрачнее дни за днями
И осени тлетворный веет дух;
С подъятыми ты к небесам ветвями
Стоишь один и помнишь теплый юг.

1859

◆ ◆ ◆

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный,—
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

1873 (?)

◆ ◆ ◆

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сияньи тонет дня светило́,
И набежавших туч края
Стеклом горючим окаймило.

Уже подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью,
Какая тень и аромат
Плывут над меркнущею степью!

В душе смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Под звездным пологом усни.

<1864>

◆ ◆ ◆

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи,
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи.

Хоть на заре, хотя мгновенно
Средь набежавших туч видна,
Она так ясно, так нетленно
На небе теплилась одна.

Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней
В степи, с речного поворота,
С ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоем саду, в твоем пруде.

<1863>

◆ ◆ ◆

Я уезжаю. Замирает
В устах обычное «прости».
Куда судьба меня кидает?
Куда мне грусть мою нести?

Молчу. Ко мне всегда жестокой
Была ты много, много лет,—
Но, может быть, в стране далекой
Я вдруг услышу твой привет.

В долине иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворот,
Напрасно странник, озираясь,
Другого голосом зовет.

Но смерклось,— над стеною черной
Горят извивы облаков,—
И там, внизу, с тропы нагорной
Ему прощальный слышен зов.

Середина 50-х годов

◆ ◆ ◆

Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли;—
И повторять тебе: «люблю».

Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать — и умереть.

1862 (?)

◆ ◆ ◆

В благословенный день, когда стремлюсь душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
Нерукотворные черты.

Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу;
И вновь затрепещу, тобою просветленный,—
Но всё тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое.

<1857>

ПОСЛАНИЯ

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье.—
Прочь этот сон,— в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Опять весна! опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы.

Весна! весна! о, как она крепит.
Как жизненной нас учит верить силе!
Пускай наш добрый, лучший друг наш спит
В своей цветами убранной могиле,—

Он говорит: «Приободрись и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга».
Когда к нему ты понесешь цветы,
Снеси ему сочувствие от друга.

Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверяться,
Хоть смерть в виду, а все же нужно жить;
А слово: жить — ведь значит: покоряться.

1879

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,

Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую птицу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо.—
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией.— Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

Конец октября или начало ноября 1875

ГРАФУ А. К. ТОЛСТОМУ
В ДЕРЕВНЕ ПУСТЫНЬКЕ

В твоей Пустыньке подгородной,
У хлебосольства за столом,
Поклонник музы благородный,
Камен мы русских помянем.

Почтим святое их наследство
И не забудем до конца,
Как на призыв их с малолетства
Дрожали счастьем в нас сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонит площадная
Царицу мысли и труда;

Да не смутит души поэта
Гоненье на стыдливых муз,
И пусть в тени, вдали от света,
Свободней зреет их союз!

<1864 ?>

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.

Твоей камене — повторять,
Прося стихи — я докучаю,
А все заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.

Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,
Я одного прошу — чтоб ты
Во всех был видах предо мною.

Вот почему спешу, поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

1862

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Прошла весна — темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный;
Опять сухую грудь земли
Взрезает конь и вол покорный.

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый!
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный!

<1866>

С. П. ХИТРОВО

Я опоздал — и как жалею!
Уж солнце скрылося в ночи.
Я не видал, когда в аллею
Оно кидало нам лучи.

Но силу летнего сиянья
Не всю умчал минувший день,
Его отрадного прощанья
Не погасила ночи тень.

Еще пред дымкою туманной
Как очарованный стою,
Еще в заре благоуханной
Дыханье неба узнаю.

1882 (?)

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.

И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.

Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.

1866

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГЕТЕ

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Вот с избушкой я прощаюсь,
Где любовь моя живет,
И бесшумно пробираюсь
Под лесной полночный свод.
Лунный луч, дробясь, мерцает
Меж дубами по кустам,
И береза воссылает
К небу сладкий фимиам.

Как живительна прохлада
Этой ночи здесь, в тиши!
Как целебна тут отрада
Человеческой души!
Эта ночь томит, врачуя,
Но и тысяч равных ей
Не сменяю на одну я
Милой девушки моей.

Февраль 1878

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПУТНИКА

Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне
Вдвое счастьем наполняешь,—
Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь!

Февраль 1878

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю,—
Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет.
Если подымется он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,
Прочной земле,
То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подъемлет,
Волна поглощает,
И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цепь без конца.

<1877>

ИЗ ГЕЙНЕ

◆ ◆ ◆

Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя — благодать,
И очи твои так прелестны,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

К твоим очам прелестным
Я создал целую рать
Бессмертием дышащих песен,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

Очам твоим прелестным
Дано меня было терзать,
И ты меня ими сгубила,—
Чего ж тебе, друг мой, желать?

12 апреля 1874

◆ ◆ ◆

Дитя, мы детьми еще были.
Веселою парой детей;
Мы лазили вместе в курятник,
К соломе, и прятались в ней.

Поем петухами, бывало,
И только что люди идут,—
Кукуреку!— им сдается,
Что то петухи так поют.

На нашем дворе ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
В них жили мы вместе, стараясь
Достойно гостей принимать.

Соседская старая кошка
Нередко бывала у нас;
Мы кланялись ей, приседая,
Твердя комплименты подчас.

Спешили ее о здоровье
С любезным участьем спросить,
С тех пор приходилось все то же
Не раз старой кошке твердить.

Мы чинно сидели, толкуя,
Как старые люди, тогда
И так сожалели, что лучше
Все в наши бывало года,

Что веры с любовью и дружбой
Не знает теперешний свет,
Что кофе так дорог ужасно,
А денег почти что и нет.

Промчалися детские игры,
И все пронеслось им вослед —
И вера с любовью и дружбой,
И деньги, и время, и свет.

1857(?), 1882

ИЗ ШИЛЛЕРА

БОГИ ГРЕЦИИ

Как еще вы правили вселенной
И забав на легких помочах
Свой народ водили вожделенный,
Чада сказок в творческих ночах,

Ах, пока служили вам открыто,
Был и смысл иной у бытия,
Как венчали храм твой, Афродита,
Лик твой, Аматузия!

Как еще покров свой вдохновенье
Налагало правде на чело,
Жизнь полней текла чрез все творенье;
Что и жить не может, все жило.
Целый мир возвышен был убором,
Чтоб прижать к груди любой предмет,
Открывало посвященным взорам
Все богов заветный след.

Где теперь, как нам твердят сторицей,
Пышет шар, вращаясь без души,
Правил там златою колесницей
Гелиос в торжественной тиши.
Здесь на высях жили ореады,
Без дриад — ни рощи, ни лесов,
И из урны радостной наяды
Пена прядала ручьев.

Этот лавр стыдливость девы прячет,
Дочь Тантала в камне том молчит,
В тростнике вот здесь Сиринкса плачет,
Филомела в роще той грустит.
В тот поток как много слез, Церера,
Ты о Персефоне пролила,
А с того холма вотще Цитера
Друга нежного звала.

К порожденным от Девкалиона
Нисходил весь сонм небесный сам:
Посох взяв, пришел твой сын, Латона,
К Пирриным прекрасным дочерям.
Между смертным, богом и героем
Сам Эрот союзы закреплял,
Смертный рядом с богом и героем
В Аматунте умолял.

Строгий чин с печальным воздержаньем
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общим достояньем,
И счастливец к вам вступал в родню.

Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился бог.
Коль улыбку скромную камены
Иль хариты вызвать мог.

Светлый храм не ведал стен несносных,
В славу вам герой искал меты
На Истмийских играх венценосных,
И гремели колесниц четы.
Хороводы в пляске безупрёчной
Вкруг вились уборных алтарей.
На висках у вас венок цветочный,
Под венцами шелк кудрей.

Тирсоносцев радостных эвое
Там, где тигров пышно запрягли,
Возвещало о младом герое,
И сатир и фавн, шатаясь, шли.
Пред царем неистово менады
Прославлять летят его вино,
И зовут его живые взгляды
Осушать у кружки дно.

Не костяк ужасный в час томлений
Подступал к одру, а уносил
Поцелуй последний вздох, и гений,
Наклоняя, факел свой гасил.
Даже в Орке судией правдивым
Восседал с весами смертной внук;
Внес фракиец песню сиротливой
До Ириний грустный звук.

В Елисей, к ликующему кругу
Тень слетала землю помянуть,
Обретала верность вновь подругу,
И возница находил свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Пред Алцестой дорогой Адмет,
Узнает Орест опять Пилада,
Стрелы друга Филоктет.

Ждал борец высокого удела
На тяжелом доблестном пути;
Совершитель дел великих смело
До богов высоких мог дойти.

Сами богн, преклонясь, смолкают
Пред зовущим к жизни мертвецов,
И над кормчим светочи мерцают
Олимпийских близнецов.

Светлый мир, о где ты? Как чудесен
Был природы радостный расцвет!
Ах, в стране одной волшебных песен
Не утрачен сказочный твой след!
Загрустя, повымерли долины,
Взор нигде не встретил божества,—
Ах, от той живительной картины
Только тень видна едва!

Всех цветов душистых строй великой
Злым дыханьем севера снесен,
Чтоб один возвысился владыкой,
Мир богов на гибель осужден.
Я ищу по небу, грусти полный,
Но тебя, Селена, нет как нет!
Оглашаю рощи, кличу в волны,—
Безответен мой привет.

Без сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,
Над собой вождя не сознавая,
Не деля восторга моего,
Без любви к виновнику творенья,
Как часы, неоживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья,
Обезбожен, служит мир.

Чтоб плодом назавтра разрешиться,
Рыть могилу нынче суждено;
Сам собой в ущерб и в ширь крутится
Месяц все на то ж веретено;
Праздно в мнр искусства скрылись боги,
Бесполезны для вселенной той,
Что, у них не требуя подмоги,
Связь нашла в себе самой.

Да, они укрылись в область сказки,
Унося туда же за собой
Все величье, всю красу, все краски,
А у нас остался звук пустой.
И взамен веков и поколений
Им вершины Пинда лишь на часть;
Чтоб бессмертным жить средь песнопений,
Надо в жизни этой пасть.

Февраль 1878

ПЕСНИ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

◇◆◇

Станет насыпь могилы моей просыхать,—
И забудешь меня ты, родимая мать!
Как заглушит трава все кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец.
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

29 октября 1875

◆◆◇

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой;
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца;
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

29 октября 1875

◆◆◆

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Влезь-ко, мать, на крышу, гляны-ко на восток:
Из-под льда ущелья вешний вон цветок».
— «Не пробиться травке из-под груды снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный;
Никакого дива. влюблена то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы».

29 октября 1875

ДОПОЛНЕНИЕ

ЗЕВС

Шум и гам,— хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
Скачут, пляшут корибанты.

В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Реи,
Потянул к себе сердито
Он сосцы у Амальтеи.

Юный бог уж ненавидит,
Эти крики местью дышат,—
Но земля его не видит,
Небеса его не слышат.

15 ноября 1859

◆ ◆ ◆

Сны и тени,—
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода,
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

К СИКСТИНСКОЙ МАДОННЕ

Вот сын ее,— он — тайна Иего́вы —
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева! не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафа́эль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной!

1864 (?)

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих на реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

<1882>

ШОПЕНУ

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки —
Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды,—
И не нужно мне надежды:
Этот час — он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось:
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое,—
Я на все, на все иное
Отпылал — потух.

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки —
Разорвется вдруг!

<1882>

РОМАНС

Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня — эта песнь одна.

И поющим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалася тесна.

Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

<1882>

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

<1882>

II

* * *

Не смейся, не дивися мне,
В недоуменьи детски-грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горлинки в дупле.

1884

* * *

День проснется — и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
Все, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчат песнопенья,—
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.

<1884>

ДОБРО И ЗЛО

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом —
И мир свои раскроет блага;
Но быть на мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

14 сентября 1884

◆ ◆ ◆

— Ты был для нас всегда вон той скалою,
Взлетевшей к небесам,—
Под бурями, под ливнем и грозою
Невозмутимый сам.

Защищены от севера тобою,
Над зеркалом наяд
Росли мы здесь веселою семьею —
Цветущий вертоград.

И вдруг вчера — тебя я не узнала:
Ты был как божий гром...
Умолкла я,— я вся затрепетала
Перед твоим лицом.

— О да, скала молчит; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Все бури ей, все ливни и метели
Не надрывают грудь?

Откуда же — ты помнишь — это было:
Вдруг землю потрясло,
И что-то в ночь весь сад пробороздило,
И следом всё легло?

И никому не рассказало море,
Чтó кануло ко дну,—
А то скала свое былое горе
Швырнула в глубину.

2 июня 1883

◆ ◆ ◆

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое,
Или и солнышко всходит мое.

1883 (?)

◆ ◆ ◆

О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.

Лелеяла б душа в успокоеньи томном
Неведомую даль,
Но так нескромно все в уединенье скромном,
Что стыдно мне и жаль.

Пойдем ли по полю — мы чуждые тревоги,
И радует ходьба,

Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие все хлеба.

Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где все стоит в пыли,
По солнцу движемся — гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.

Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
Мигают, не стыдясь.

<1884>

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя,—
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я?*

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

<1884>

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной,
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

<1884>

НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Вот наш патент на благородство,—
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит: а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Декабрь 1883

ПОЛОНСКОМУ

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

1883

Л. Н. ТОЛСТОМУ

при появлении романа «Война и мир»

Была пора — своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской простор меня пленял;
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
То пеной у прибрежных скал.

Но вот, о море! властью тайной
Не все мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковыйной.
Я перед мощию стихийной
В священном трепете стою.

23 апреля 1877

А. Н. МАЙКОВУ

на сочувственный отзыв о переводе Горация

Кто сам так пышно в тогу эту
Привычен лики облачать,—

Кому ж, как не тебе, поэту,
И тень Горация встречать?

На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму,
Гордясь, что сам, хоть неумело,
Но вам обоим руку жму.

14 октября 1884

◆ ◆ ◆

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

СМЕРТИ

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель.

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

<1884>

◆ ◆ ◆

С бородою седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец,
И нетленною солью горящих речей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была.

<1884>

◆ ◆ ◆

— Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
    Робко жмешься?
Зори — нет их нежней,
И таких уж ночей
    Не дождешься.

— Милый мой, мне невмочь,
Истомилась, всю ночь
    Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
    Не сыскала.

Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
    Хоть брани ты.
Там над самой водой
Странный, черный, кривой
    Пень ракиты.

И не вижу я пня,
И хватает меня
    Страх напрасный,—
Так и кажется мне,
Что стоит при луне
    Тот ужасный!

1883

◆ ◆ ◆

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

<1884>

◆ ◆ ◆

Говорили в древнем Риме,
Что в горах, в пещере темной,
Богоравная Сивилла
Вечно юная живет,
Что ей всё открыли боги,
Чтó в груди чужой сокрыто,
Чтó таит небесный свод.

Только избранным доступно
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародейки созерцать.
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя,
Ту богиню увидать.

Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге черной двери —
На нее тогда смотри!
Но когда заслышишь песню,
Вдохновенную тобою,—
Эту дверь мне отопри.

3 апреля 1883

◆ ◆ ◆

Только в мире и есть, что тенистый
  Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
  Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
  Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый,
  Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

◆ ◆ ◆

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апреля 1883

ВОЛЬНЫЙ СОКОЛ

Не воскормлён ты пищей нежной,
Не унесен к зиме в тепло,
И каждый час рукой прилежной
Твое не холено крыло.

Там, над скалой, вблизи лазури,
На умирающем дубу,
Ты с первых дней изведал бури
И с ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голод, и гроза,
И восходящему светилу
Глядел ты за море в глаза.

Зато, когда пора приспела,
С гнезда ты крылья распустил
И, взмахам их доверясь смело,
Ширяясь, по́ небу поплыл.

<1884>

◆ ◆ ◆

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

<1884>

◆ ◆ ◆

Не вижу ни красы души твоей нетленной,
Ни пышных локонов, ни ласковых очей,
Помимо я гляжу на жребий отдаленный
И слышу приговор безжалостных людей.

И только чувствую, что ты вот тут — со мною,
Со мной! — и молодость, и суетную честь,
И все, чем я дышал,— блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам младенческим принесть.

<1884>

◆ ◆ ◆

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет.

29 мая 1884

◆ ◆ ◆

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день,
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

<1884>

ТЕПЕРЬ

Мой прах уснет, забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай.

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повеем жизнью оба,
И ты и я — мы встретимся: теперь.

<1883>

◆ ◆ ◆

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

<1884>

◆ ◆ ◆

Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом.
И пришло мне на память сейчас,
Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла
И сказала, что все поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжко вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
Что так жить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь — решилась — и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
Ты растаяла в жарких слезах.

1883

◆ ◆ ◆

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре —
Всё же безмолвно горят их молитвы.

1883

СТУДЕНТ

Посвящается С. П. Х — о

1

Гляжу на вас я, умиица моя,
Как на своем болезиенном вы ложе
Откинулись, раздумие тая,
А против вас, со сказочнником схоже,
И бормочу н вспомииаю я:
О времеиах, как был я молод тоже,
Когда ие так казалась жизнь пуста,—
И просятся октавы иа уста.

2

Я был студеитом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близ сада, иа Девичьем поле.
Нас старики любили н во всем
Предоставляли жить по иашей воле —
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
Быть скромными — таков иаш был девиз.

3

Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, боже мой, как миого чепухи
Болталн мы; как нам казались сладкн
Поэты, нас затронувшие, все:
И Лермонтов, н Байрон, и Мюссе.

4

И был ли я рассеяи от природы,
Или застенчнв, не могу сказать,
Но к женщииам не льнул я в эти годы,
Его ж и Гегель сам не мог унять;
Чуть женщины лишь ие совсем уроды,—

Глядишь, влюблен, уже влюблен опять.
На лекции идем — бранюсь я вволю,
А он вприпрыжку по пустому полю.

5

По праздникам езжали к старикам
Различные почтительные лица
Из сослуживцев старых и их дам,
Бывала также томная девица
Из институтских — по ее словам,
Был Ламартин всех ярче, как денница,—
Две девочки — и ту, что побледней,
Звала хозяйка крестницей своей.

6

Свершали годы свой обычный круг,
Гамле́т-Мочалов сотрясал нас бурно,
На фортепьянах игрывал мой друг,
Певала Лиза — и подчас недурно —
И уходила под вечер.— Но вдруг
Судьбы встряхнулась роковая урна.
«Вы слышали? А я от них самих.
Ведь к Лиза́ньке присватался жених!

7

Не говорят худого про него.
С имением, хоть небольшого чину;
У генерала служит своего,
Ведет себя как должно дворянину:
Ни гадких карт, ни прочего чего.
Серебряную подарю корзину
Я ей свою большую.— Что ж мне дать?
Я крестная, а не родная мать».

8

Жених! жених! Коляска под крыльцом.
Отец и дочка входят с офицером.—
Не вышел ростом, не красив лицом,
Но мог бы быть товарищам примером:

Весь раздушон, хохол торчит вихром,
Торчат усы изысканным манером,
И воротник как жар, и белый кант,
И сахара белее аксельбант.

9

«Вот, Лизанька, бог дал и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите:
Ребенок ведь! Немножечко дика,
Неопытна,— на нас уж не взыщите».
А мне ее отец: «Вы старика
Утешьте, вы и ей не откажите:
Мы с Лизою решились вас просить
С крестовым братом шаферами быть.

10

Ты, Лизанька, уж попроси сама,
Вы, кажется, друг другу не чужие,
Старинной дружбой связаны дома,
А с крестным братом даже и родные».
«Я вас прошу».— «Ах, боже, дела тьма.
Пора и дальше, люди молодые,
И к тетушке мне нужно вас завесть,—
Так по рукам?» — «Благодарю за честь».

11

Горит огнями весь иконостас,
Хрустальное блестит паникадило,
И дьякона за хором слышен бас...
Она стоит и веки опустила,
Но так бледна, что поражает глаз;
Испугана ль она, иль загрустила?
Мы стали цепью все, чтобы народ
На наших дам не налезал вперед.

12

«Где ж мой платок?— старик воскликнул наш.—
Дай мне хоть свой; отдам тебе на бале.

Что возишься! Да скоро ли подашь?
Ну, дайте вы, хоть вы бы отыскали».
«Да не найду».— «Вот завели cache — cache» *.
«И у меня! И у меня украли!»
«Обчистили? Народец-то каков!»
Вся наша цепь без носовых платков.

13

Стою да мельком на нее взгляну.
Знать, от свечей ей томно — от угара.
И жалко-жалко мне ее одну,
Но жалко тож индейского фуляра.
«А не такую бы ему жену,—
Пожалуй, что она ему не пара».
Вот повели кругом их наконец,
И я топчусь, держа над ней венец.

14

Все кончено. Пустеет божий храм.
Подробностей уж не припомню дале,
Но помню, что с товарищем я там,
У них в дому, на свадебном их бале.
Стою в гостиной полусветлой сам,
А музыка гремит, и танцы в зале.
Не знаю, что сказать, а предо мной
Давнишняя подруга молодой.

15

«Пойдемте вальс! Вы не хотите? Нет?
Но вы должны,— ведь я вознегодую...
Вы сердитесь за давешний ответ?»
«Я не сержусь; я просто не танцую».
«Ну, дайте ж руку! ссориться не след.
Та к сердцу ближе. Руку ту — другую».
И без перчатки стала хлопотать,
Чтобы с моей руки перчатку снять.

---

* Игра в прятки *(фр.)*.

16

Но тут товарищ мой влетает в дверь:
«Вот где они! Куда запропастились!
Вас кавалер, как разъяренный зверь,
Повсюду ищет.— Вы б поторопились.
Да ты-то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной; там словно взбеленились».
«Нет, уж уволь. Тебе оно под стать,
Ты по полю давно привык плясать».

17

Вот грянула мазурка.— Я гляжу,
Как королева средневековая,
Вся в бархате, туда, где я сижу,
Сама идет поспешно молодая
И говорит: «Пойдемте, я прошу
Вас на мазурку». Голову склоняя,
Я подал руку. Входим,— стульев шум,
И музыка гремит свое рум-рум.

18

«Вы, кажется, не в духе?» — «Я? Ничуть,
Напротив, я повеселиться рада
В последний раз.— И молодая грудь
Дохнула жарко.— Мне движенья надо:
Без устали помчимся! отдохнуть
Успею после, там, в гортани ада».
«Да что вы говорите?» — «Верьте мне,
Я не в бреду, и я в своем уме.

19

А хоть в бреду, безгрешен этот бред!
Несчастию не я теперь виною,
И говорить о нем уже не след,—
Умру и тайны этой не открою.
Тут маменька виновница всех бед:
Распорядиться ей хотелось мною.
Я поддалась, всю жизнь свою сгубя.—
Я влюблена давно!» — «В кого?» — «В тебя!»

20

И мы неслись под пламенные звуки,
И — боже мой — как дивно хороша
Она была! и крепко наши руки
Сжимались,— и навстречу к ней душа
Моя неслась в томленьи новой муки.
«И я тебя люблю! — едва дыша,
Я повторял.— Что нам людская злоба!
Взгляни в глаза мне; твой,— я твой до гроба!»

21

Что было дальше, трудно говорить
И совестно. Пришлось нам поневоле
С товарищем усерднее ходить
В дом, где бывали редко мы дотоле.
Тот все вином старался угостить;
Пьешь, и душа сжимается от боли,
Да к всенощной спешишь, чтоб как-нибудь
Хоть издали разок еще взглянуть.

22

О сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья,
Я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет — как несказанно дорог
Красноречивый, легкий этот шорох!

23

Любить всегда отрадно, но писать —
Такая страсть у любящих к чему же?
Ведь это прямо дело выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.
Казалось бы, ну как не помышлять
О брате, об отце или о муже?
В затмении влюбленные умы —
И ревностно писали тоже мы.

24

Я помню живо: в самый Новый год
Она мне пишет: «Я одна скучаю,
Муж едет в клуб; я выйду из ворот,
Одетая крестьянкою, и к чаю
Приду к тебе. Коль спросит ваш народ,
Вели сказать, что из родного краю
Зашла к тебе кормилицына дочь.
Укутаюсь — и не заметят в ночь».

25

С товарищем переглянулись мы.
Хотя не очень прытки были сами,
Но видим ясно: этой кутерьмы
И бабушка не разведет бобами.
Практические подлинно умы!
Нашли исход: рядиться мужиками!
Голубушка! Я звать ее не мог:
Я не себя — ее я поберег.

26

А время шло. Кто любит так, не знает,
Чего он ждет, чем мысль его кипит.
Спросите вы у дома, что пылает:
Чего он ждет? Не ждет он, а горит,
И темный дым весь искрами мелькает
Над ним, а он весь пышет и стоит.
Надолго ли огни и искры эти?
Надолго ли? — Надолго ль все на свете?

27

Однажды мы сидели наверху
С товарищем, витая в думах нежных.
Вдруг горничная.— Весь платок в снегу,
Лицо у ней бледнее хлопьев снежных.
«Да что ты?» — «Все пропало! Быть греху;
Все письма отыскал он в нотах прежних,
Да как пошел,— в столах, в шкапах, в трюмо
И в туфлях даже, глядь — сидит письмо.

28

Под крик его и гам тут горьких слез
Из девичьей я слышала немало.
Не треснул ли ее проклятый пес!
Ои сам ушел. В испуге написала
Вам тут она.— Не помню, как донес
Меия господь. Ответ я обещала.
Прочтите же; а я пока пойду
И за калиткой стаиу — подожду».

29

Читаю: «Все проведал этот зверь.
С тобою он стреляться, верно, стаиет;
И если ты убьешь его теперь —
Тогда, тогда и счастие иастанет.
Я верую, ты тоже сердцем верь,
Оно меня, я знаю, не обманет.
Я убегу в деревню за тобой,
И там твоею стаиу я женой.

30

А послезавтра в восемь приходи
На монастырь и стаиь там у забора
И на калитку с улицы гляди —
Хоть иа часок уйду из-под надзора,—
Стой там в тени и терпеливо жди.
Как восемь станет бить, приду я скоро.
Недаром злые видела я сны!
Но верь ты мие, мы будем спасены».

31

Без опыта, без денег и без сил,
У чьей груди я мог искать спасенья?
Серебряный я кубок свой схватил,
Что подарила мать мие в день рожденья,
И пенковую трубку, что хранил
В чехле, как редкость, полную значенья,
Был и бинокль туда же приобщен
И с репетиром золотой Нортон.

32

Тебе в могилу тихую привет,
Мой старый друг, я, старец, посылаю.
Ты был у нас деканом много лет,
К тебе, бывало, еду и читаю
Я грешные стихи, пускаясь в свет,
И за полночь мы за стаканом чаю
Сидим, вникаем в римского певца...
Тебя любил и чтил я как отца!

33

Зачем всю дрянь к наставнику я вез?
Но лишь вошел, он крикнул мне: «Что с вами?»
Я объяснил как мог, повеся нос,
И вдруг, как мальчик, залился слезами.
Меня он обнял и почти донес
До кресла. Сам он с влажными глазами
И с кроткой речью, полною любви,
Стал унимать рыдания мои.

34

«Спаси ее!» — я только мог твердить.
«Спасти-то нужно вас,— расстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора вас в карцер посадить
Я попрошу на месяц по секрету.
Когда своей не жаль вам головы,
То хоть ее-то не губите вы».

35

Давно стою, волнуясь, на часах,
И смотрит ярко месяц с тверди синей,
Спит монастырский двор в его лучах,
С церковных крыш блестит колючий иней.
Удастся ли ей вырваться-то? Ах!
И олуха такого быть рабыней!
На колокольне ровно восемь бьет;
Вот заскрипел слегка снежок... Идет!

36

Откинула покров она с чела,
И месяц светом лик ей обдал чистый.
Уже моих колен ее пола
Касается своей волной пушистой,
И на плечо ко мне она легла,
И разом круг объял меня душистый:
И молодость, и дрожь, и красота,
И в поцелуе замерли уста.

37

И я ворвался в этот мир цветов,
Волшебный мир живых благоуханий,
Горячих слез и уст, речей без слов,
Мир счастия и пылких упований,
Где как во сне таинственный покров
От нас скрывает всю юдоль терзаний.
Нельзя душой и блекнуть и цвести,—
Я в этот миг не мог сказать «прости».

38

А вам не жаль? Чего? — спросить бы надо:
Что был я глуп, или что стал умней?
Какая же за это мне награда?
Бывало, точно, и не спишь ночей,
Но сладок был и самый кубок яда;
Зато теперь чем дальше, тем горчей:
Все те же рельсы и машина та же,
И мчит тебя, как чемодан в багаже.

39

Дня через два хозяйка за столом
Вдруг говорит: «А наши молодые
Уехали — и старики вдвоем
Остались. Он сказал, что там большие
В деревне хлопоты у них. Кругом
Падеж скота, и есть дела другие.
А вы чем сыты, молодой народ,
Что капельки вы не берете в рот?»

40

Затем,— затем настал конец. А вы
Простите, если сказка надоела.
Я скоро сам уехал из Москвы,
И мне писали: Лиза овдовела.
Поздней искал я милостей вдовы,
Но свидеться она не захотела.
Болтали — там... какой-то генерал...
А может быть, кто говорил — соврал.

<1884>

МУЗА

> **Мы рождены для вдохновенья,**
> **Для звуков сладких и молитв.**
>
> ***Пушкин***

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня,—
Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслажденью высокому зову
И к человеческому счастью.

Когда, бесчинствами обиженный опять,
В груди заслышишь зов к рыданью,—
Я ради мук твоих не стану изменять
Свободы вечному призванью.

Страдать! Страдают все, страдает темный зверь,
Без упованья, без сознанья;
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
Где радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?

К чему противиться природе и судьбе? —
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки.

8 мая 1887

◆ ◆ ◆

Жду я, тревогой объят,
Жду тут — на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах! как пахнуло весной!..
Это наверное ты.

13 декабря 1886

◆ ◆ ◆

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне,—
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине,—
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты,—
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть:
Всю погасшую тайну хотел я прочесть,
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты.

<1885>

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
    Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
    Но лишь молитвенно молчат.

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тут, что ни мавзолей, ни надпись — всё боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
    И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
    Что им завидовать грешно...

4 июня 1887

◆ ◆ ◆

Как беден наш язык! — Хочу и не могу.—
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

11 июня 1887

◆ ◆ ◆

В степной глуши над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие плавучие цветы.

Они манят и свежестью пугают.
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забыться как-нибудь.
Твоей души мне глубина заветна,
В свою судьбу боюсь я заглянуть.

<1887>

◆ ◆ ◆

Ты помнишь, что́ было тогда,
Как всюду ручьи бушевали,
И птиц косяками стада
На север, свистя, пролетали.

И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листами,
Как, глазки закрыв, соловей
Блаженствовал в песне над нами.

К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
Но счастьем и ивы плакучей.

Взгляни же вокруг ты теперь:
Все грустно молчит, умирая,
И настежь раскинута дверь
Из прежнего светлого рая.

И новых приветливых звезд,
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
Взалкали усталые птицы.

Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
Оденет покров белоснежный.

6 сентября 1885

◆ ◆ ◆

Благовонная ночь, благодатная ночь,
 Раздраженье недужной души!
Все бы слушал тебя — и молчать мне невмочь
 В говорящей так ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
 И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
 Не мигая, смотреть в этот сад.

А уж месяц, что всплыл над зубцами аллей
 И в лицо прямо смотрит,— он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
 И сверкает, и плещется ключ.

И меняется звуков отдельный удар,
 Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
 Напевая призывы любви.

Словно все и горит и звенит заодно,
 Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
 Поглядеть в серебристую ночь.

28 апреля 1887

◆ ◆ ◆

Если радует утро тебя,
Если в пышную веришь примету,—
Хоть на время, на миг полюбя,
Подари эту розу поэту.

Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грóзу,
Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

10 января 1887

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1886

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
    В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
    В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь;
    Травы в рыдании;
Мельница, речка и даль
    В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

Декабрь 1885

◆ ◆ ◇

Долго снились мне вопли рыданий твоих,—
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я — несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года,— и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

2 апреля 1886

ПАМЯТИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваяся мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградою скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

5 июля 1886

◆ ◆ ◆

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

9 июня 1886

КУКУШКА

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то, вдали от опушки,
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — вот утро — люби же
Все, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое.— ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

17 мая 1886

◆ ◆ ◆

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник,—
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,
Окружусь я тогда горькой сладостью роз.
Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалася мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец: «Не грусти,— я готов»,—
С благовоньем войду апельсинных цветов.

3 августа 1887

НА РАССВЕТЕ

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;

Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

1 апреля 1886

◆ ◆ ◆

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть,—
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точны грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты;—
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.

10 апреля 1887

ГОРНАЯ ВЫСЬ

Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба — на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска;
У ног твоих, как дым кадильный,
Виясь, тают облака.

Июль 1886

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Нет, лучше голосом ласкательно обычным
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе, ненужным и безличным,
За шумною волной безмолвному идти.

Зачем уснувшего будить в тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
С того, что спать навек в груди обречено?

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!

1 апреля 1886

◆ ◆ ◆

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом;
Лишь соловьихи робких чад
Хрипливым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,—
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг — один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

1880 (?)

◆ ◆ ◆

Дух всюду сущий и единый.

Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром,
И в блеск огней гляжу я снизу,

Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

◆ ◆ ◆

Прости — и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья,—
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

◆ ◆ ◆

Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.

Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это все я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.

Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,

И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею,—
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!

1 февраля 1887

◆ ◆ ◆

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочиая краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летией,
Тревожиый ропот их исчез,
Но тем всевластией, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящеи
Глядеть в лицо природы спящей
И поимать всемириый сон.

<1885>

СВЕТОЧ

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мглистой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись теии предо мной,
Но, обежав меня лукаво,
Оии смыкались за спиной.

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.

16 августа 1885

◆ ◆ ◆

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,—
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

◆ ◆ ◆

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится.

И, разлучась навеки, мы поймем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врозь стоять у двери гроба.

9 июня 1887

◆ ◆ ◆

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

◆ ◆ ◆

Через тесную улицу здесь, в высоте,
Отворяя порою окошко,
Я не раз, отдаваясь лукавой мечте,
Узнаю тебя, милая крошка.

Всё мне кажется, детски-застенчивый взор
Загорается вдруг не напрасно,
И ко мне наклоненный твой пышный пробор
Я уж вижу не слишком ли ясно?

Вот и думаю: встретиться нам на земле
Далеко так, пожалуй, и низко,
А вот здесь-то, у крыш, в набегающей мгле,
Так привольно, так радостно близко.

6 июня 1887

◆ ◆ ◆

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки,—
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря,

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,—
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел?

15 февраля 1887

◆ ◆ ◆

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блестки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом,
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный — он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким лишь воском!

25 апреля 1887

◆ ◆ ◆

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханье весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.

Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
В тихом заливе себя повторяет.

Что же тут мы или счастие наше,
Как и помыслить о нем не стыдиться,
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать — или смириться.

Январь 1886

◆ ◆ ◆

Ты вся в огнях. Твоих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
Огонь небесный мне не страшен.

Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
Что придан мне душой твоею?

Боюсь — на бледный облик мой
Падет твой взор неблагосклонный,
И я очнусь перед тобой,
Угасший вдруг и опаленный.

3 августа 1886

◆ ◆ ◆

Вечный хмель мне не отрада —
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь.

Но порой, резво́ и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несет бутылка
Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И в стакан шумящий льется
Искрометное вино.

29 июля 1887

◆ ◆ ◆

Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
Всем существом вещаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь с поэтом ты вдвоем,—
А завтра, верно, мы друг друга
И не найдем и не поймем.

Так, невозможно — несомненно,
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.

19 июня 1887

◆ ◆ ◆

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.
Сюда! Сюда! Не рабство здесь природе,—
Она сама здесь верная раба.

17 июля 1887

◆ ◆ ◆

Задрожали листы, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
С поля буря, ворвавшися, злая
Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.
Светлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.

13 июля 1887

* * *

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные —
По полям грядой.

Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И — вдвойне светло.
Уж не тени мрачные,—
Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдруг сама заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.

19 сентября 1887

* * *

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Странным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Все бы, ах, все бы с собою унесть!

22 августа 1887

ПОЭТАМ

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

◆ ◆ ◆

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов;

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим;

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет!
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

* * *

Устало все кругом, устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!

24 августа 1889

ОНА

Две незабудки, два сапфира —
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горнего эфира
В живой лазури их сквозят.

Ее кудрей руно златое
В таком свету, какой один,
Изображая неземное,
Сводил на землю Перуджин.

20 марта 1889

* * *

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
Смотреть при тебе мне завидно.

Вот роза раскрыла уста,—
В них дышит моленье немое:
Чтоб ты пребывала чиста,
Как сердце ее молодое.

Вот, нежа дыханье и взор,
От счастия роза увяла
И свой благовонный убор
К твоим же ногам разроняла.

3 октября 1889

НА КАЧЕЛЯХ

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

26 марта 1890

◆ ◆ ◆

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участья,
Оставь и дозволь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен,—
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи,— светила дневного
Боится крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица,—
И счастью и песне конец.

4 ноября 1887

◆ ◆ ◆

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

— Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в хоре молодом: *Ах, слышишь, разумеешь!* —
Цыганка старая одна еще поет.

4 января 1888

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
Немую провожает тень.

Ка́к лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
А только то, чем мог он быть.

Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа,
О муза,— нам велит природа,
Навек смиряяся, молчать.

20 декабря 1888

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ 29 ЯНВАРЯ 1889 ГОДА

На утре дней все ярче и чудесней
Мечты и сны в груди моей росли,
И песен рой вослед за первой песней
Мой тайный пыл на волю понесли.

И трепетным от счастия и муки
Хотелось птичкам божиим моим,
Чтоб где-нибудь их налетели звуки
На чуткий слух, внимать готовый им.

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют;
О, как мой день сегодняшний чудесен!—
Со всех сторон те песни мне несут.

Тут нет чужих, тут всё родной и кровный!
Тут нет врагов, кругом одни друзья!—
И всей душой за ваш привет любовный
К своей груди вас прижимаю я!..

14 января 1889

◆ ◆ ◆

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

30 января 1890

УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха,—
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд буду призраком вздоха!

6 мая 1890

ВО СНЕ

Как вешний день, твой лик приснился снова,—
Знакомую приветствую красу,
И по волнам ласкающего слова
Я образ твой прелестный понесу.

Сомнений нет, неясной нет печали,
Все высказать во сне умею я,
И мчит да мчит все далее и дале
С тобою нас воздушная ладья.

Перед тобой с коленопреклоненьем
Стою, пленен волшебною игрой,
А за тобой — колеблемый движеньем,
Неясных звуков отстающий рой.

26 апреля 1890

Е. Д. ДУНКЕР

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?

Я назову лишь цветок, что срывает рука,—
Муза раскроет и сердце и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю,—
Муза поведает, что я за муки терплю.

17 января 1888

◆ ◆ ◆

Руку бы снова твою мне хотелось пожать,
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелося устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

14 августа 1888

◆ ◆ ◆

Гаснет заря,— в забытьи, в полусне,
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу,—
«Знаю, ах, знаю»,— тебе я шепчу.

В блеске, в румяном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя,—
Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.

29 декабря 1888

◆ ◆ ◆

Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
Песню свою понесу.

Чистой и вольной душою,
Ясной и свежей, как ночь,
Смейся над песнью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!

Как бы за легким вниманьем
В вольное сердце дотоль
Вслед за живым состраданьем
Та же не вкралася боль!

14 января 1888

◆ ◆ ◆

В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
Они — развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот пре́зренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их все еще дымится.

3 января 1888

◆ ◆ ◆

Роями поднялись крылатые мечты
В весне кругом себе искать душистой пищи,
Но на закате дня к себе, царица, ты
Их соберешь ко сну в таинственном жилище.

А завтра на заре вновь крылья зажужжат,
Чтобы к незримому, к безвестному стремиться:
Где за ночь расцвело, где первый аромат,—
Туда перенестись и в пышной неге скрыться.

17 февраля 1889

ЗНОЙ

Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоем?

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить — невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.

И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

29 мая 1888

* * *

Как трудно повторять живую красоту
  Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
  Средь непрестанных колебаний?

Когда из-под ресниц пушистых на меня
  Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
  Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках все кажется: вот-вот
  Приемлет тайна лик знакомый,—
Но сердца бедного кончается полет
  Одной бессильною истомой.

26 февраля 1888

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что́ вечно и чисто,
Что́ навеяно ею самой.

7 февраля 1889

РАКЕТА

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел — лелеять грезы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.

24 января 1888

QUASI UNA FANTASIA *

Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла.
Как весною,
Надо мною
Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
Залетать —

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв.

31 декабря 1889

◆ ◆ ◆

Упреком, жалостью внушенным,
Не растравляй души больной;
Позволь коленопреклоненным
Мне оставаться пред тобой!

Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
И красотой твоей души.

* Вроде фантазии *(ит.)*.

Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир, при свете этом
В голубоватой тонет мгле!

О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!

31 января 1888

◆ ◆ ◆

Прости! во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один:
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастия и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

◆ ◆ ◆

Давно ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
И на душе ее зима.

— Друг, не зови ее суровой:
Что снегом ты холодным счел —
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчел.

22 апреля 1890

◆ ◆ ◆

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Чтó с запретом всего несовместней —
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

7 июля 1890

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.

1881 (?)

* * *

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно,— человечно.

Между 1874 и 1886

◆ ◆ ◆

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл,—
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш отец, который в небесах,
Да свято имя мы твое блюдем в сердцах,
Да прийдет царствие твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг,— и мы прощаем должников,
И не введи ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья.

Между 1874 и 1886

◆ ◆ ◆

Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненней.

Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет! —
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.

Не стыжусь заиканий своих:
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.

3 апреля 1890

◆ ◆ ◇

Что молчишь? Иль не видишь — горю,
Все равно — отстрани хоть, приветь ли
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

Отчего же сомненье свое
Не гасить мне в неведенье этом?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мне радужным светом?

Может быть, я при нем рассмотрю,
В нем отрадного, робкого нет ли...
Хоть тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

11 ноября 1890

◇ ◆ ◇

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдруг приобрела.

Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.

11 ноября 1890

◆ ◆ ◆

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотою
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

◆ ◆ ◆

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, как легкое похмелье,
Проливаешь в песнь мою,

Иль — еще того чудесней —
За моей дрожащей песней
Тает дум невольных мгла,
И за то ли, оттого ли
До томления, до боли
Ты приветливо светла?

11 декабря 1890

◆ ◆ ◆

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада,—
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

◆ ◆ ◆

Опавший лист дрожит от иашего движеиья,
Но зелеии еще свежа иад нами теиь,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист — наш следующий деиь.

Как иеиасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг иа блекнущих устах!

Идем. Надолго ли еще ие разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность зараие ие пугаться,
Пора о счастии учиться вспомииать.

15 января 1891

◆ ◆ ◆

Если б в сердце тебя я не грел, ие ласкал,
Ни за что б я тебе этих слов не сказал;
Я боялся б тебя возмутить, оскорбить
И последнюю искру в тебе погасить.

Или воли ие хватит смотреть и страдать?
Я бы мог еще долго и долго молчать,—
Но, иачав говорить о другом,— я солгу,
А глядеть на тебя я и лгать — ие могу.

18 января 1891

◆ ◆ ◆

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее прииес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизиь их осудила —
То прах давнишиих алтарей;
Но их победным возмутила
Движеиьем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

3 февраля 1891

◆ ◆ ◆

Только месяц взошел
После жаркого дня,—
Распустился, расцвел
Цвет в груди у меня.

Что за счастье — любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
Никому не видать!

Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад —
И повсюду ношу
Я цветка аромат.

11 февраля 1891

◆ ◆ ◆

Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.

В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваяся неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.

17 февраля 1891

* * *

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг — так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

2 марта 1891

* * *

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна,— мы сидели под ивой плакучей,
И плакали, плакали мы!

30 марта 1891

* * *

Люби меня! Как только твой покорный
Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
Живой ковер.

Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвеньем
Мы полетим!

И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты
Царить навек в дыханьи песнопенья
И красоты.

13 апреля 1891

◆ ◆ ◆

За горами, песками, морями —
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
Дремлют розы, не зная снегов.

Но красы истомленной молчанье
Там на все налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
Призывает не петь, а дышать.

Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
С затаенною песнью своей?

И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зо́рю будить,
В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь и любить.

Апрель 1891

ФОНТАН

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что́, струей своей колышим,
Напевает нам фонтан.

— Я, и кровь, и мысль, и тело —
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь.

7 июня 1891

◆ ◆ ◆

О, как волнуюся я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.

Внизу померкший сад уснул,— лишь тополь дальный
Все грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

12 августа 1891

◆ ◆ ◆

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

◆ ◆ ◆

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело,—
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудёт и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

4 ноября 1891

ПОЧЕМУ?

Почему, как сидишь озаренной,
Над работой пробор наклоня,
Мне сдается, что круг благовонный
Все к тебе приближает меня?

Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем ищу?
Почему и простые реченья
Словно томную тайну шепчу?

Почему как горячее жало
Чуть заметно впивается в грудь?
Почему мне так воздуху мало,
Что хотел бы глубоко вздохнуть?

3 декабря 1891

◆ ◆ ◆

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь,— хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февраля 1892

◆ ◆ ◆

Все, что волшебно так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы —
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

28 февраля 1892

◆ ◆ ◆

Рассыпаяся смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый,
И победный призыв узнаю.

И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я все без речей понимаю
И к чему призывает — могу!

13 марта 1892

◆ ◆ ◆

Когда смущенный умолкаю,
Твоей суровостью томим,
Я все в душе не доверяю
Холодным колкостям твоим.

Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набежит
И дуновение метели
Колючим снегом закружит.

Но миг один — и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.

26 марта 1892

◆ ◆ ◆

Она ему — образ мгновенный,
Чарующий ликом своим,
Он — помысл ее сокровенный;
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!

Пред ним — сновидение рая,
Всевластный над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

3 апреля 1892

◆ ◆ ◆

Ночь лазурная смотрит на скошенный луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг;
Но за то ль, что отрады не жду впереди,—
Благодарности нет в истомленной груди.

Все далекий, давнишний мне чудится сад,—
Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.

Точно в нежном дыханьи травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.

12 июня 1892

◆ ◆ ◆

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет все кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.

15 сентября 1892

ПРИМЕЧАНИЯ

Составителю сборника избранных поэтических произведений Фета (каким является и настоящее издание) приходится решать две проблемы: выбора композиционного принципа и определения «текстологической платформы». Обе проблемы связаны с особенностями поэтического наследия Фета.

Творческая деятельность Фета продолжалась более полувека. В 1840 году он издает свой первый поэтический сборник «Лирический Пантеон», к которому впоследствии отнесся весьма строго: только четыре стихотворения Фет взял отсюда при подготовке новой поэтической книги, вышедшей в 1850 году. Это издание, представившее впервые читателю мир фетовской поэзии в целостном виде, стало как бы основой еще для двух поэтических книг Фета: первая вышла в 1856 году, а вторая, изданная в 1863 году, стала итоговой работой поэта. Фет надолго уходит из литературы; но через двадцать лет его новая лирическая книжка показала читающей публике, что старый поэт не только не «иссяк» и не «выдохся», но понтине обрел новое поэтическое дыхание: четыре сборника (1883, 1885, 1888, 1891 годы), выходившие под общим названием «Вечерние Огни», образовали вместе целый поэтический мир «позднего Фета». Но эта поэзия органически продолжала все основные темы, мотивы, образы «раннего Фета»; поэт решил объединить оба периода своего творчества — и, обогатив итоговый сборник 1863 года лирикой «Вечерних Огней», выпустить новую книгу, венчающую его творческий путь. Этой работой Фет был занят летом 1892 года в своей усадьбе Воробьевке; план был готов, но поэту не суждено было увидеть свою новую книгу.

План завершающей фетовской книги дошел до нас. Композиция ее восходит к сборнику 1850 года, основную часть которого составляли разделы жанрового и тематического рода («Снега», «Гадания», «Мелодии», «Вечера и ночи», «Баллады», «Элегии», «Антологические стихотворения»). Идея подобной «циклизации» принадлежала А. Григорьеву, который принимал участие в подготовке сборника

своего друга. Для фетовской творческой деятельности на всем ее протяжении вообще характерно присутствие «литературных советников». Один из таких советников старика Фета, поэт и философ Владимир Соловьев, составлял первоначальный план итоговой фетовской книги; в мае 1892 года он приезжал к Фету в Воробьевку, где гостил еще один участник предполагавшегося издания — критик Ю. Говоруха-Отрок, который собирался писать предисловие к новому сборнику Фета. Смерть поэта помешала осуществить задуманную книгу; правда, стараниями вдовы поэта, критика Н. Страхова и поэта К. Романова в 1894 году вышло в свет посмертное издание лирических стихотворений Фета — однако, хотя оно и основывалось на фетовском плане, существенные отступления, сделанные редакторами, не позволяют считать его реализацией замысла поэта.

План 1892 года лег в основу двух наиболее авторитетных советских изданий Фета, подготовленных Б. Я. Бухштабом (большая серия «Библиотеки поэта» издания 1937 и 1959 годов). Однако исследователь, уверенно придерживаясь единого композиционного принципа, в области текстологии дал в названных изданиях два совершенно разных решения, наглядно продемонстрировав трудноразрешимость центральной проблемы фетовской текстологии — так называемых «тургеневских исправлений»[1]. Тургенев, сменив А. Григорьева в роли фетовского «литературного советника», взял на себя инициативу подготовки новой поэтической книги Фета (сборник 1856 года) и направил свои усилия в сторону «самой ревностной очистки» предыдущего сборника 1850 года: половину стихотворений из него он отверг, а в большинстве оставшихся произвел радикальную правку. Как отнесся к тургеневской редактуре сам поэт? Готовя издание 1863 года, Фет сохранил «тургеневскую редакцию» стихотворений; однако в предисловии к третьему выпуску «Вечерних Огней» (1888 г.) он писал: «Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину»; еще более определенно высказался Фет в «Моих воспоминаниях» (1890 г.): «Издание из-под редакции Тургенева вышло на-

[1] Этой проблеме посвящены следующие работы: Ю. А. Никольский. Материалы по Фету. 1. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г.— «Русская мысль», 1921, кн. 8—9, 10—12; Д. Д. Благой.

Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета.— «Печать и революция», 1923, кн. 3; Н. П. Колпакова. Из истории фетовского текста.— «Поэтика», III. Л., 1927; Б. Я. Бухштаб. Судьба литературного наследства А. А. Фета.— «Литературное наследство», кн. 22—24. М., 1935.

столько же очищенным, насколько и изувеченным». К сожалению, поэт не успел издать своего завершающего сборника, который конкретно показал бы, что именно считал Фет в тургеневской редактуре «очисткой», а что — «увечьем».

Можно констатировать, что в современной практике изданий Фета сосуществуют разные решения его текстологической проблемы; это относится не только к научным, но и к массовым изданиям поэта (см., например, А. А. Фет. Стихотворения. Проза. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Кожинова. Воронеж, 1978; Афанасий Фет. Стихотворения. Составление, вступительная статья и примечания В. Коровина. М., 1979). По-разному решается в современных изданиях Фета и вопрос композиции: в одних за основу берется план 1892 года — то есть принцип «циклов» или «разделов»; но в большинстве изданий стихотворения выстраиваются в хронологическом порядке.

Составитель настоящего сборника поставил перед собой задачу: представить современному читателю фетовское творчество так, как оно воспринималось при жизни поэта — в его исторически конкретных и наиболее «характеристичных» проявлениях. Чтобы яснее было, о чем идет речь, напомню следующий случай. Два близких Фету человека, Н. Страхов и К. Романов, готовили посмертный сборник фетовской лирики (издание 1894 года); идя от плана 1892 года, они должны были с великим сожалением констатировать, что в этом плане распределены по разным отделам, «рассыпаны» сборники «Вечерних Огней» («заглавие, столь памятное и дорогое всем почитателям» поэзии Фета). Издатели решили ввести особый раздел «Вечерние Огни» в сам фетовский план; и хотя этот ход более чем сомнителен, но зато законна и основательна читательская потребность Н. Страхова и К. Романова: без «Вечерних Огней» действительно невозможно представить себе позднего Фета — это индивидуально неповторимая форма бытия его поздней лирики. Ни в одном из современных изданий Фета (как бы они ни были построены — по хронологическому или циклическому принципу) читатель не найдет «Вечерних Огней» как поэтического целого, и это очень обедняет восприятие Фета. Поэтому столь значительным событием стал выпуск «Вечерних Огней» отдельной книгой в серии «Литературные памятники». Это, действительно, поэтический памятник позднего Фета; но ведь подобный же памятник есть и у раннего Фета: это сборник 1850 года, в котором фетовская поэзия впервые предстала читателю как особый поэтический мир; строение этого сборника стало основой двух последующих поэтических книг Фета, определив композицию и завершающего плана 1892 года. Между двумя этими этапами

творчества Фета, между двумя его «поэтическими зданиями» — сборником 1850 года и «Вечерними Огнями» — лежит лирика 1850-х годов; прежде чем она приняла свой «очищенно-изувеченный» вид в 1856 году — читатель знакомился с ней по первоначальным журнальным публикациям. В этом виде мы предлагаем ее увидеть и современному читателю — снимая тем самым в принципе самую проблему «тургеневских исправлений». Дополняет три названных раздела нашего издания четвертый раздел, составленный из лирики 1880—1890-х годов, не вошедшей в сборники.

Возможно, такой композиционный принцип может показаться «эклектичным»; однако он имеет свои собственные преимущества — ввиду того, что ни на одном из двух других путей (план 1892 года или сквозная хронология) невозможно разрешить всех возникающих затруднений. В этом мог убедиться и сам составитель настоящей книги, имевший возможность испытать и достоинства и недостатки построения фетовского сборника по плану 1892 года (см. издание: А. А. Фет. Сочинения в двух томах. Том первый. М. «Художественная литература», 1982).

Сборник 1850 года.— Книга была подготовлена Фетом (совместно с А. Григорьевым) в октябре 1847 года — во время приезда поэта в отпуск в Москву; тогда же она прошла цензуру, была разрешена к печати — однако вышла лишь в 1850 году. В настоящем издании этот сборник воспроизводится полностью, в его первоначальном виде; снята лишь нумерация стихотворений (в каждом разделе она начиналась заново, при этом употреблялись и арабские и римские цифры). Внесены датировки стихотворений (поскольку точная хронология ранней фетовской лирики неизвестна, то даты в угловых скобках обозначают или год первой публикации, или год, позже которого не могло быть написано входящее в сборник стихотворение — то есть 1847).

Стр. 26. «Вот утро севера...» *Окно волоковое* — окошко, в которое выходил («волокся») дым в курных избах, топившихся по-черному, без дымохода.

Стр. 39. «Между счастием вечным...» Это стихотворение, находящееся в середине раздела «Мелодии», начинало как бы особый «подраздел» внутри него: стихотворению предшествовал разделительный типографский знак,— и с него начиналась заново нумерация (от 1 до 20).

Стр. 42. «За кормою струйки вьются...» *«Норма»* — популярная опера итальянского композитора Беллини, появившаяся в 1831 году.

Стр. 43. Из Мура. *Мур, Томас* (1779—1852) — английский поэт-романтик.

Стр. 45. «Весеннее небо глядится...» *Майн* — река в Германии. В 1844 году Фет впервые посетил эту страну — родину своей матери.

Стр. 51. «Долго еще прогорит...» *Веспер* — планета Венера на вечернем небе. *Дева, богиня* — Диана, девственная богиня луны (см. также в стих. «Я полон дум...», «Любо мне в комнате...», «Диана»).

Стр. 52. «Рад я дождю...» *Юпитер* — верховное божество римской мифологии; *Плювий* — обозначение Юпитера как подателя дождя.

Стр. 56. Талисман. Это первая из автобиографических поэм Фета (какими являются также «Сон», «Две липки» и «Студент»), напечатана в 1842 г. в июньском номере журнала «Москвитянин» (январский номер которого поэт «завалил сугробами» — поместил здесь свой цикл «Снега»). Хотя поэт приписывает рассказанное некоему третьему лицу («славному малому», который был «романтиков образчик»), нет сомнения, что в основе поэмы лежат события жизни самого Фета. Событие им выбрано, собственно, одно — тот момент, когда в декабре 1835 года четырнадцатилетний Афанасий Шеншин узнал, что должен покинуть родную усадьбу Новоселки: «Пора, пора из теплого гнезда//На зов судьбы далекий подниматься!» Герой поэмы едет прощаться с семейством, живущим в соседней усадьбе; точные топографические приметы, подробность описания усадебного дома — все это выдает реальность описанного в поэме. Но, конечно, самая главная «реальность», которая нас интересует,— это отношения героя поэмы со старшей дочерью соседской семьи (она названа в поэме Варварой). То, что эти отношения были «талисманом» для души самого Фета, были одним из самых заветных воспоминаний его усадебной юности, подтверждается рассказом А. Григорьева («Человек будущего»), где так описаны редкие задушевные излияния Фета наедине со своим другом: «То были долгие беседы об искусстве, любимом им более всего на свете, или простые, но чудно-поэтические рассказы о первых днях молодости, о снежных беспредельных полях, озаренных полною луною, о лучах этой луны, играющей на полу старой залы, и о темно-русой головке с голубыми очами, наклоненными к клавишам рояля». Сравним теперь этот рассказ со следующими строками из «Талисмана»:

Серебряная ночь гляделась в дом...
Она без свеч сидела за роялью.

Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какою-то мучительной печалью:
Все вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

Не располагая материалом для каких-либо более конкретных суждений, остановимся на том, что в поэме «Талисман» запечатлена какая-то одна из самых ранних «сердечных историй» юного Фета; для будущего поэта весьма знаменательно, что его чувство достигает кульминации во время пения, когда его возлюбленная поет романс. Тут возникает характернейшая тема будущего фетовского творчества: ночное женское пение.

Стр. 62. Сильфы. *Сильфы* — в германской мифологии светлые, воздушные создания, порожденные стихией воздуха.

Стр. 66. Дозор. Баллада является переводом стихотворения Мицкевича «Czaty. Ballada ukrainska».

Стр. 67. Геро и Леандр. Широкой известностью пользовалась одноименная баллада Шиллера, написанная на античный сюжет: жрица богини Афродиты по имени Геро и ее возлюбленный Леандр оказались в разлуке; но поскольку разлучал их только пролив Геллеспонт, то Леандр каждую ночь переплывал пролив, ориентируясь на факел, который зажигала на своей башне Геро. Однажды в бурю факел погас, Леандр погиб, и Геро бросилась в море. Фет строит свою балладу «вольно», не пересказывая известную фабулу.

Стр. 73. Мадонна. *Санцио* — Рафаэль.

Москва. *Кернер, Теодор* (1791—1813) — немецкий поэт-романтик.

Стр. 80. «Когда мечтательно...» *Аргус* — стоокий страж (греч. миф.).

Стр. 85. Саконтала. *Саконтала́* (Шакунтала) — героиня одноименной драмы древнеиндийского поэта Калидасы, творчество которого получило широкую европейскую известность со вт. пол. XVIII в.

Стр. 89. «Я люблю его жарко...» *Мугаммед* (Магомед, ок. 570—632) — религиозно-политический деятель Аравии, основатель ислама. *Фатима* — его дочь (возможно, Фет имел в виду не дочь пророка, а его жену — Аишу).

Стр. 90. Из Саади. *Саади Ширазский* (ок. 1204—1292) — великий персидский поэт.

«Не дивись, что я черна...» Стихотворение представляет собой переложение некоторых мест ветхозаветной «Песни песней»,

Стр. 94. «Когда петух...» *Сатурн* — родитель богов в римской мифологии; *Вакх* — бог винограда и вина.

Стр. 96. «Влажное ложе покинувши...» *Эос* — древнегреческая богиня утренней зари, которая предвещает восход солнца — бога *Феба* (покидающего «влажное ложе» — т. е. встающего из моря). Бог солнца выезжает на колеснице; сын Феба *Фаэтон* однажды захотел прокатиться на солнечной колеснице и погиб.

Стр. 97. Кусок мрамора. *Тит* — римский император (41—81 гг. н. э.); *Фавн* — лесное божество; *змей примирителя жезл* — жезл бога Меркурия.

Стр. 98. Подражание XVI идиллии Биона. *Бион* — древнегреческий поэт-идиллик (III или II в до н. э.).

Нептуну. Стихотворение посвящено новой планете Нептун, открытой в 1846 году на основании вычислений астронома Леверье.

Стр. 100. Архилох. *Архилох* — древнегреческий поэт (VII в. до н. э.).

Из Катулла. *Катулл* Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 гг. до. н. э.) — известнейший лирический поэт древнего Рима.

Стр. 101. Застольная песня. *Ипокрена* (ключ на горе Геликон) — источник вдохновения (древнегреч. миф.).

Стр. 103. Из Анакреона. *Анакреон* (ок. 570—478 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик.

«Многим богам в тишине...» *Музы* — богини, покровительницы искусств; *дриады* — лесные нимфы; *нимфы речистые* — наяды. *Дионисий, Лией* — имена Вакха (считавшегося сыном земной женщины *Семелы* и бога Зевса). *Фидий* (432—328 гг. до н. э.) — великий древнегреческий скульптор. *Тирс* (жезл, обвитый плющом и виноградными листьями) — эмблема Вакха и принадлежность его экстатического культа — вакханалий. *Калхас* — герой др.-греч. мифа, прорицатель: исполняя волю богини Артемиды, требовал от царя Агамемнона принесения в жертву его дочери *Ифигении*. *Клитемнестра* — мать Ифигении. *Плеск волн забвения в барку* — плеск реки Леты, через которую в барке Харон перевозил в царство мертвых тени умерших. *Заступница дев* — девственная богиня Артемида (в римской мифологии — Диана); в последний момент она спасла деву Ифигению, оставив для заклания лань.

Стр. 109. Посвящение к «Фаусту». Самое раннее обращение Фета к «Фаусту» Гете; впоследствии (в 1880-е годы) поэт полностью перевел трагедию Гете и издал ее. Перевод в сборнике 1850 года посвящен А. Григорьеву.

Стр. 114. Бржеским... Стихотворение обращено к близким друзьям Фета времен его кирасирской службы — херсонскому поме-

щику, поэту-дилетанту Алексею Федоровичу Бржескому (1818—1868) и его жене Александре Львовне (1821 — ?).

Стр. 124. «На заре ты ее не буди...» Первое из стихотворений Фета, положенное на музыку (А. Варламовым). Романс получил широчайшую известность, его распевали по всей России. Приведем два журнальных отклика: в «Отечественных записках» (1850, № 1, стр. 71) он назван «песней, сделавшейся почти народною...»; «Москвитянин» (1850, кн. 1—2, стр. 50) считает его «прекрасно положенным на музыку покойным Варламовым и прославленным более еще, нежели этим известным композитором, московскими цыганами».

Стр. 133. «Дитя! мои песни далеко...» *Гангесов ток* — река Ганг в Индии.

Стр. 136. Посейдон. *Сын Лаэрта* — Одиссей. *Киммерийская ночь:* в представлении древних греков Киммерия — некая окраинная земля на севере обитаемого мира, где царит вечная ночь. *Град Приама* — Троя. *Полифем* — одноглазый циклоп, побежденный Одиссеем. *Нерей* — подводный царь.

Стихотворения 1850—1859 годов. — Этот раздел книги образуют избранные стихотворения Фета, которые должны в максимально «концентрированной» форме представить его лирику 1850-х годов. В это время Фет — один из самых известных и печатаемых поэтов: «Современник», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» — вот круг журналов, где читатель находил множество стихотворений Фета. По этим журнальным публикациям в хронологическом порядке и воспроизводятся тексты стихотворений в данном разделе. 1859 год как финальная веха этого раздела не произволен: во-первых, именно 1859 год стал важнейшим жизненным и творческим рубежом Фета — он разрывает отношения с «Современником» и вскоре совсем уходит из литературы на поприще сельского хозяина (после чего его лирическая продуктивность резко снижается); во-вторых, стихотворения, создававшиеся поэтом в 60—70-е годы, в основной своей массе вошли в «Вечерние Огни», то есть тяготеют уже к другому периоду творчества Фета.

Мелодия. По признанию Фета, сделанному в мемуарах «Ранние годы моей жизни», это стихотворение связано с Марией Лазич (именуемой в мемуарах Еленой Лариной), которая была замечательной музыкантшей: «Мне отрадно было узнать, что во время пребывания в Елизаветграде Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. Перед отъездом он написал ей в альбом прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной кра-

соты. Сколько раз просил я Елену повторить для меня на рояли эту удивительную фразу. Под влиянием последней я написал стихотворение: «Какие-то носятся звуки...» Стихотворение «Мелодия» характерно для фетовской лирики — как вдохновленное музыкальными впечатлениями; с другой стороны, оно важно как единственное стихотворение из посвященных Марии Лазич, где эта связь определенно засвидетельствована самим автором: все другие поэтические обращения Фета к памяти Марии Лазич определяются лишь гипотетически. (Наиболее широкий круг этой лирики предложен П. Сухотиным — автором работы: «Фет и Елена Лазич». Белград, 1933). Нужно сказать, что круг этих стихотворений нуждается в тщательном пересмотре: сюда по явному недоразумению введены многие стихотворения, по своим автобиографическим приметам и по своему духу не имеющие ничего общего с трагическим романом Фета, что не способствует верному пониманию ни этого романа поэта, ни других его сердечных историй (см. примечание к стих. «Alter ego»).

Стр. 142. Муза. *Наяда* — речная нимфа. *Цитара* — струнный музыкальный инструмент. *Епанча* — плащ. *Пиериды* — музы.

Вечерние Огни. — Этот раздел книги составляют четыре поэтических сборника, изданные Фетом в 1883, 1885, 1888 и 1891 годах под общим названием «Вечерние Огни». Сборники печатаются с сокращениями.

Стр. 161. Alter ego. По давнему недоразумению, это стихотворение биографически приурочивают к отношениям Фета с Марией Лазич, которая появилась в жизни поэта в конце 1848 года. Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассматривать здесь этот вопрос, приведем только один аргумент, который представляется нам решающим: если признавать за «Alter ego» точный автобиографический смысл, то выражение «Ты стояла над **первою песней** моей» (выделено мною.— *А. Т.)* может относиться только к той, кто была рядом с Фетом в начале его поэтического пути, то есть в студенческие годы.

Стихотворение «Alter ego» Фет поместил в раздел «Элегии и думы» первого выпуска «Вечерних Огней»; при этом оно точно датировано — «январь 1878». Рассматривая прилегающие к «Alter ego» стихотворения, невольно обращаешь внимание на одну деталь: хотя мы знаем, что Фета всегда мало заботит последовательность хронологии, но нельзя не изумиться какой-то невероятной «пляске дат» среди стихотворений, предшествующих «Alter ego». Они идут в такой последовательности: 1882—1864—1871—1878. Возникает предположение, что здесь Фет собрал вместе стихотворения какой-то одной темы — и расположил их в нужном ему смысловом порядке, не обра-

щая аиимания, как «лягут» их даты. Виутри раздела «Элегии и думы» получился, таким образом, как бы «микроцикл»: ои коичается на «Alter ego», ио если пойти иазад, то иетрудио найти его иачало — это стихотаореиие «Окиа а решетках» (значительность, «программность» которого была подчеркиута Фетом при его пераой публикации тем, что оио открыаало пераый аыпуск «Вечериих Огней» — а тем самым и аесь иоаый этап таорчестаа Фета). По иашему предположеиию, эти пять стихотворений объедииеиы одиой темой, имя которой — «пераая любоаь Фета» (см. об этом подробиее ао аступительиой статье к издаиию: «А. Фет. Сочииеиия а даух томах. Том пераый. М., «Художестаеииая литература», 1982).

Стр. 174. «Сияла иочь. Луиой был полои сад...» Это стихотаореиие — один из аеличайших шедевров Фета, одно из самых «фетоаских» по смыслу, по духу, по материалу. Поаодом для его создаиия была музыка — иа этот раз а той форме, которая более асего была аластиа иад поэтом: это было пеиие. Одио из самых сильных апечатлеиий от жеиского пеиия, которое испытал а саоей жизии Фет, и породило его лирический шедевр «Сияла иочь...» — Героиня этой истории — Татьяиа Аидреевиа Берс (а замужестве Кузмииская; 1846—1925), сестра Софьи Аидрееаиы Толстой. Голос молодой Таии Берс (которая была, как известно, одним из прообразоа Наташи Ростоаой) мы можем «услышать» по описанию пеиия Наташи а «Войие и мире»:

«...Когда заучал этот иеобработаниый голос с иепрааильиыми придыхаииями и с усилиями переходоа, даже зиатоки-судьи иичего не говорили и только иаслаждались этим иеобработаииым голосом, и только желали еще раз услыхать его. В голосе ее была та деастаеииость, иетроиутость, то иезиаиие саоих сил и та иеобработаииая еще бархатиость, которые так соедииялись с недостатками искусстаа пения, что, казалось, иельзя было иичего измеиить в этом голосе, не испортиа его».

Вот этот голос, это пеиие Фет и услышал одиажды, майским аечером 1866 года, а усадьбе Черемошне, прииадлежаашей друзьям Толстого Дьякоаым. Но прежде чем слышаииое им пеиие (а пела Татьяиа Берс русские ромаисы — а том числе любимейший ромаис Фета «Я помию чудиое мгиоаеиье»...) иашло отзвук а его стихотаореиии, должио было пройти ии мало ии миого — одиииадцать лет. В 1877 году Фет сиоаа слышит пеиие поазрослеашей Таии Берс — теперь уже Кузмииской,— и тогда-то и рождается стихотаореиие, назааииое им пераоиачальио «Опять». Д. Благой («Мир как красота». М., 1975, стр. 65) обратил аиимаиие иа то, что «Сияла иочь...» предстааляет собой иесомиеииую параллель к пушкиискому «Я помию чудиое мгиоаеиье...»: а обоих стихотаореииях гоаорится о даух

встречах, двух сильнейших, повторных впечатлениях. «Два пения» Кузминской, пережитые Фетом, и дали в соединении тот поэтический импульс, в котором личность певицы, ее пение, покорившее поэта,— оказались неотделимыми от того любимейшего фетовского романса, который звучал в ее исполнении: «И вот опять явилась ты» — «И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь». Так родилось одно из самых прекрасных стихотворений Фета о любви и музыке — «Сияла ночь...», в котором фетовская музыкальность получила импульс от пушкинского лирического мотива, пережитого и «высказанного» толстовской героиней.

Стр. 179. Romanzero. Заглавие повторяет название цикла лирических стихотворений Гейне («романсеро» — испанские народные песни).

Стр. 187. «Напрасно ты восходишь надо мной...» С находившейся в Фивах полуразрушенной статуей Мемнона была связана легенда: когда лучи утренней зари падали на нее, статуя издавала звук (похожий на звук лопнувшей струны) — это Мемнон, который считался сыном Эос (богини зари), как бы отвечал на появление своей матери.

Роза. *Киприда* — богиня любви и красоты Афродита (местом ее рождения считалось побережье острова Кипра). *Геба* — богиня юности.

Стр. 192. Графу Л. Н. Толстому. Этим стихотворением Фет предварил три своих перевода под названием «Песни кавказских горцев», опубликованные им в январе 1876 г. в журнале «Русский вестник». Прозаический перевод этих песен Фет получил от Толстого, извлекшего их из «Сборника сведений о кавказских горцах».

Стр. 193. Графу А. К. Толстому... *Пустынька* — усадьба поэта Алексея Константиновича Толстого (1817—1875) под Петербургом.

Ф. И. Тютчеву (*«Мой обожаемый поэт...»*). В Федоре Ивановиче Тютчеве (1803—1873) Фет видел «одного из величайших лириков, существовавших на земле» («Мои воспоминания», ч. II. М., 1890, стр. 3). Когда произошло личное знакомство двух поэтов, неизвестно. Стихотворную «просьбу о фотографии» Фет послал, очевидно, в начале 1862 года, а 14 апреля получил от Тютчева портрет и стихотворение «Тебе сердечный мой поклон...».

Стр. 195. С. П. Хитрово. Обращено к Софье Петровне Хитрово, племяннице С. А. Толстой (жене поэта А. К. Толстого).

Графине С. А. Толстой. Обращено к жене Л. Н. Толстого — Софье Андреевне (1844—1919).

Стр. 199. Из Шиллера. Боги Греции. *Аматузия* — одно из прозвищ Афродиты (по городу Аматунта на Кипре). *Гелиос* — бог

Солнца. *Ореады, дриады, наяды* — нимфы гор, леса, рек. *Этот лавр стыдливость девы прячет.*— В лавр превратилась нимфа Дафна, которую преследовал влюбленный Аполлон. *Дочь Тантала в камне там молчит.*— Дочь царя Тантала Ниоба превратилась в камень, потеряв своих детей. *В тростнике вот здесь Сиринкса плачет.*— Наяда Сиринкса, спасаясь от Пана, превратилась в тростник. *Филомела в роще той грустит.*— Фракийский царь Терей обесчестил сестру своей жены Филомелу; боги превратили ее в соловья. *Церера* (Деметра) — богиня земли и плодородия; *Персефона* — ее дочь, ставшая женой Аида, бога подземного царства. *Цитера друга нежного звала.*— Афродита, безответно зовущая погибшего на охоте Адониса. *Девкалион и Пирра* — возродили человеческий род после всемирного потопа. *Латона* — мать бога Аполлона. *Истмийские игры* — общегреческий праздник, проводившийся в Истме раз в два года. *Тирсоносец* — участник празднества в честь бога Диониса (Вакха), несущий эмблему этого божества — тирс: посох, увитый плющом и виноградом. *Орк* — подземное царство. *Фракиец* — величайший певец Орфей, родом из Фракии, спустился в загробный мир в поисках своей жены Эвридики. *Линос* — брат Орфея, также поэт-музыкант, погибший в молодости. *Пред Алцестой дорогой Адмет.*— Алцеста, спасая своего мужа Адмета, пошла вместо него в загробное царство, но затем была выведена оттуда Гераклом и возвращена Адмету. *Филоктет* — друг Геракла, унаследовавший от погибшего героя его лук и стрелы. *Олимпийские близнецы* — сыновья Зевса и Леды Кастор и Поллукс почитались как покровители моряков. *Селена* — богиня луны. *Пинд* — горный хребет в Греции.

Стр. 203. З е в с. *Корибанты* — жрецы богини Реи, матери Зевса. *Амальтея* — кормилица младенца Зевса.

Стр. 204. К С и к с т и н с к о й м а д о н н е. Сонет посвящен картине Рафаэля «Сикстинская мадонна». *Иегова* — здесь в значении верховного божества, бога-отца. *Варвара* и *Сикст* — изображенные на картине святые.

Стр. 211. Н а к н и ж к е с т и х о т в о р е н и й Т ю т ч е в а. Написано в связи с выходом в 1883 году «Стихотворений Федора Ивановича Тютчева» (издание «Русского архива»). *Сырты:* здесь — область Уральских гор. *Геликон* — гора, на которой обитали музы и Аполлон (др.-греч. миф.).

Стр. 212. П о л о н с к о м у. *Полонский Яков Петрович* (1819—1898) — поэт, литератор, литературно-общественный деятель; один из ближайших друзей Фета на протяжении многих десятилетий — от студенческих лет до конца жизни.

А. Н. М а й к о в у. Поэт *Аполлон Николаевич Майков* (1821 — 1897) был крупным чиновником цензурного ведомства и способство-

вал присуждению Фету Пушкинской премии за полный перевод Горация.

Стр. 220. Студент. Из пяти поэм, написанных Фетом, одна («Сабина») стоит особняком, а четыре других («Талисман», «Сон», «Две липки» и «Студент») образуют своеобразное единство. Во-первых, они написаны октавами, а во-вторых, все они — явно автобиографического содержания; так что в целом эти четыре поэмы составляют как бы «автобиографическую повесть в октавах». Сюжетом поэмы «Студент» послужили взаимоотношения Фета с той же самой «Лизой», которая была героиней фетовского цикла «Офелия» и одноименного рассказа Аполлона Григорьева — самого близкого друга Фета студенческих лет. Новейшую публикацию рассказа «Офелия» (а также других рассказов Григорьева, дающих ценный материал для биографии молодого Фета,— «Листки из рукописи скитающегося софиста», «Человек будущего», «Мое знакомство с Виталиным») см. в издании: Аполлон Григорьев. Воспоминания. Л., 1980.

Поэма посвящена С. П. Хитрово.

Строфа 31: *золотой Нортон* — карманные часы фирмы Нортон, снабженные «репетиром» (механизмом, отбивающим время). Строфа 32: *мой старый друг.*— Не совсем ясно, о ком говорит здесь Фет (возможно, речь идет об И. И. Давыдове, профессоре русской словесности Московского университета).

Стр. 230. III выпуск «Вечерних Огней». Сборник открывался предисловием, представляющим собой последнее по времени литературно-эстетическое выступление Фета. Сформулированные здесь принципы («Мы ...постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей...») поддерживаются идущим далее программным стихотворением «Муза», где звучит тема «исцеления поэзией».

Стр. 236. Памяти Н. Я. Данилевского. *Данилевский Николай Яковлевич* (1822—1885; похоронен «у южного моря» — в своем имении Мшатке, находившемся на Южном берегу Крыма) — ученый-естественник. Более известен как оригинальный мыслитель, занимавшийся проблемами культурологии и философии истории.

Стр. 248. IV выпуск «Вечерних Огней». Сборник открывался следующим предисловием: «Человек, не занавесивший вечером своих освещенных окон, дает доступ всем равнодушным, а быть может, и враждебным взорам с улицы; но было бы несправедливо заключать, что он освещает комнаты не для друзей, а в ожидании взглядов толпы. После трогательного и высокознаменательного для нас сочувствия друзей к пятидесятилетию нашей музы жаловаться на их равнодушие нам, очевидно, невозможно. Что же касается до массы читателей, устанавливающей так называемую популяр-

ность, то эта масса совершенно права, разделяя с нами взаимное равнодушие. Нам друг у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертого выпуска в крайне ограниченном числе экземпляров, мы только желаем сказать друзьям, что всегда рады их встретить и что за нашим окном *Вечерние Огни* еще не погасли окончательно».

Стр. 251. На пятидесятилетие музы («Нас отпевают. В этот день...»). На конец 1880-х гг. приходился полувековой юбилей литературной деятельности Фета. В декабре 1888 года поэт приготовил к «поминанию» своей музы стихотворение, имеющее мало общего с «юбилейным жанром»: Фет обращается к музе — «Нас отпевают», а о себе говорит как об усопшем. Мы не располагаем материалами, чтобы судить, какими побудительными мотивами было порождено это весьма загадочное стихотворение. Объяснение самого Фета в письме к Полонскому (от 16 января 1889) сводит все к мрачной шутке: «Во избежание однообразных выражений благодарности за приветствия я хотел напечатать на отдельных листках стихотворение по поводу юбилея, чтобы раздавать его на память желающим». (Если бы так все и произошло, то пришедшие на юбилей одновременно чувствовали бы себя присутствующими на похоронах поэта.) Но в конце концов Фет решил устроить все «как у людей», написал другое — действительно «юбилейное» — стихотворение «На утре дней все ярче и чудесней...», которое было отпечатано и вручалось участникам праздника, занявшего два дня. 28 января 1889 г. в своем доме на Плющихе Фет принимал поздравления от различных обществ и частных лиц; 29 января юбилейные торжества продолжались на обеде в ресторане «Эрмитаж». Здесь, среди речей и тостов, было прочитано четверостишие, присланное автору «Вечерних Огней» Д. Цертелевым:

Пусть лучшие давно промчались лета,
Над лирою твоей бессильны дни:
Светлей и ярче первого рассвета
Горят твои *Вечерние Огни!*

Стр. 253. Е. Д. Дуикер. Посвящено племяннице М. П. Фет — Елизавете Дмитриевне Дуикер.

Стр. 261. «Чем доле я живу...». Стихотворение представляет собой переложение молитвы «Отче наш».

Стр. 266. «Мы встретились вновь...». Стихотворение посвящено Александре Львовне Бржеской — одной из самых дорогих Фету женщин, «далекому другу» поэта на протяжении многих десятилетий его жизни. Покинув Херсонскую губернию в 1853 году, Фет

не прерывал связей с Бржеским; новая полоса отношений поэта с Александрой Львовной началась с 1868 года, после смерти ее мужа. Они пишут множество писем друг другу, а Фет, став владельцем Воробьевки, зовет Александру Львовну поселиться у него. Она откликнулась на его зов — и в июне 1879 года приехала в Воробьевку; но не для того, чтобы обрести здесь жизненную пристань, а только чтобы повидать своего поэта. Стихотворение «Мы встретились вновь...», написанное 30 ма́рта 1891 года,— поэтическое воспоминание той встречи в Воробьевке, которой суждено было стать последней в их жизни. Бржеская пережила Фета (дата ее смерти неизвестна); из их переписки сохранились только ее письма — письма поэта были ею сожжены (об истории их отношений см. работу: Г. Блок. «Фет и Бржеская».— Альманах «Начала», 1922, № 2).

Стр. 269. Почему? Это одно из тех многочисленных любовных стихотворений позднего Фета, о которых современный исследователь пишет: «В период 1882—1892 гг., на седьмом и восьмом десятке лет, Фет пишет особенно много любовных стихов... Можно было бы говорить о втором любовном цикле Фета, если бы было известно, к кому он обращен...» (Б. Я. Бухштаб. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, стр. 125).

Эта (говоря условно) «последняя любовь» еще совсем не затронута исследователями — может быть, потому, что неизвестно ни одного биографического, документального свидетельства. Однако несомненность самого «поэтического свидетельства» требует такого исследования, точно так же, как и вся остальная любовная лирика Фета, далеко выходящая за пределы одного романа с Марией Лазич и явно свидетельствующая о многообразии фетовского «сердечного опыта».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СБОРНИК 1850 ГОДА

Снега

Гадания

Мелодии

Вечера и Ночи

Баллады

Сонеты

Элегии

Подражание восточному

К Офелии

Антологические стихотворения

Разные стихотворения

Из Гейне

СТИХОТВОРЕНИЯ 1850—1859 ГОДОВ

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ
(1883—1891 ГОДЫ)

I

Элегии и думы

Море

Снега

Весна

Мелодии

Romanzero

Разные стихотворения

Послания

Переводы

Из Гете

Из Гейне

Из Шиллера

Дополнение

II

III

IV

Фет Афанасий Афанасьевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор
Н. А. Преснова

Оформление художника
Ю. К. Бажанова

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
Т. С. Трошина

ИБ 501

Сдано в набор 15.04.82.
Подписано к печати 08.06.82.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 14.08.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод 250 000 экз.) Цена 1 р. 10 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Советская Сибирь»,
г. Новосибирск, 48, ул. Немировича-Данченко, 104.
Заказ № 20162.

1 р. 10 к.